

Проповѣди св. Максима, епископа туринскаго (V вѣка).

I. Между памятниками проповѣднической литературы, дошедшими до насъ отъ вѣковъ давнопрошедшихъ, заключается много дорогихъ сокровищъ не только для гомилаета, ищущаго въ нихъ уроковъ касательно матеріала и средствъ церковнаго назиданія, но и для историка, старающагося оживить и уяснить жизнь далекихъ поколѣній, сошедшихъ въ могилу. Дѣятели церковнаго слова имѣли предъ глазами цѣли назиданія первѣе всего; для этого они большею частію разъясняли свѣщ. Писаніе, читаемое въ церкви, излагали сущность вѣроученія христіанскаго и правила чистой нравственности и т. п. Но ихъ мысль, питаемая божественнымъ ученіемъ, не ограничивалась одними общими наставленіями. Жизнь, къ которой они стояли въ качествѣ высшихъ ея руководителей, требовала вниманія у чуткой души къ частнымъ случаямъ и обстоятельствамъ. Предъ судомъ церковнаго слова стояли частные допросы и явленія, и на нихъ нужно было давать отвѣты, идущіе только къ тому своеобразному сложению обстоятельствъ, какое отличаетъ то или другое время, ту или другую страну. Не всегда были рѣзки и настоятельны запросы временныхъ частныхъ нуждъ и обстоятельствъ; не всегда и проповѣдники спускались съ своимъ словомъ къ разнымъ мелочамъ исторической жизни. Но историкъ съ тѣмъ

большимъ вниманіемъ останавливается на такихъ произведеніяхъ, въ которыхъ съ яркою выразительностію просвѣчиваетъ далекая современность съ своими нуждами и съ своимъ оригинальнымъ видомъ. При всемъ уваженіи къ высокимъ цѣлямъ назиданія, преслѣдуемымъ общою проповѣдію евангелія, цвѣтъ и тонъ эпохи, отражающійся въ церковномъ словѣ, своими рѣзкими и характерными звуками невольно привлекаетъ къ себѣ мысль читателя, и изъ множества рѣчей, до насъ дошедшихъ изъ прежнихъ временъ, если не самыми лучшими, то наиболѣе замѣчательными по опредѣленной характерности своего содержанія, кажутся именно тѣ рѣчи, въ которыхъ ясно виденъ слѣдъ временной нужды.

Историческая струя въ проповѣднической литературѣ особенно дорога тамъ, гдѣ обычное проповѣдничество не обладаетъ разнообразіемъ, а съ видомъ нѣкоторой монотонности раскрываетъ общія правила нравовѣденія. Такимъ оно представляется на латинскомъ западѣ въ первые вѣка христіанства. Латинская проповѣдь въ патристическій періодъ въ сравненіи съ греческою кажется проповѣдію не богатою и безцвѣтною. Ни особенно яркихъ талантовъ, ни разнообразія направленій не представляетъ она. Не видно въ ней ни высоты созерцаній, ни силы догматизирующей мысли, ни внѣшняго блеска краснорѣчія, — тѣхъ свойствъ, какія даютъ высокое достоинство роскошному проповѣдничеству греческаго востока. Въ церквахъ запада тихо и скромно, и не такъ часто и повсемѣстно, какъ въ церквахъ востока, раздается слово проповѣдника. Оно большею частію течетъ просто и безыскусственно, и не показываетъ въ себѣ изліяній сильнаго чувства. И въ то время, когда на востокѣ проповѣдь возносила въ утонченныя высоты и пускалась въ сокровенныя глубины догмата, принимала самое горячее участіе въ полемическихъ борьбахъ своего времени, западная проповѣдь

развивалась преимущественно въ практическомъ направленіи, и позволяла отъ него самыя рѣдкія уклоненія. Правоученіе было ея коренною темою, и въ развитіи этой темы у ней не было того напряженія, какое создамо на востокѣ сокрушенный тонъ покаяннаго чувства у св. Ефрема Сирина и возвышенное стремленіе аскетическаго самоуглубленія у св. Макарія Великаго. Проповѣдуется нравственность чистая и строгая, но въ сравненіи съ правоученіемъ проповѣди восточной, такъ сказать, общая и обыденная. Такою мы называемъ ее во-первыхъ потому, что въ ней не занимаютъ виднаго плана совѣты вышешаго внутренняго подвижничества, а ея главную суть составляютъ правила благоповѣденія, пригодныя и обязательныя для каждаго круга и для каждаго положенія; во-вторыхъ потому, что въ проповѣди западной вы не встрѣчаете дробныхъ предписаній, не замѣчаете особенныхъ углубленій въ ту или другую заповѣдь евангелія, и не видите нарочитой борьбы съ недостатками общества, выслушивающаго слово. Проповѣдь указываетъ, какъ нужно жить и что нужно дѣлать, и при этомъ случаѣ иногда ограничивается внѣшними дисциплинарными предписаніями, но рѣдко она беретъ на себя обязанность вступать въ неотступное составаніе къ діалектикою современнаго грѣха и съ привычками отступающаго отъ заповѣдей народа. Если она и обличаетъ, то обличенія ея большею частію общаго характера.

При такомъ характерѣ западной проповѣди, чистою находкою являются для историка проповѣди св. Максима, епископа туринскаго, жившаго въ V вѣкѣ. Если и читалъ бесѣды другихъ, соплеменныхъ и современныхъ ему проповѣдниковъ, внимательный человѣкъ можетъ прийти къ нѣкоторымъ выводамъ, дающимъ одну или двѣ черты для характеристики вѣка и общества, то здѣсь для всякаго предстаетъ съ рѣдкою прозорливостію эпоха Максима, и не въ однихъ общихъ чертахъ,

а съ тѣми подробностями и тѣми видоизмѣненіями жизни, которыми такъ дорожатъ обыкновенно историки. Вы читаете слова и рѣчи Максима, и предъ вами оживаетъ древній Туринъ такъ, что вы какъ бы видите предъ глазами его суевѣрныхъ жителей, еще не совоѣмъ бросившихъ языческіе обычаи и увеселенія; вы узнаете, какія заблужденія и пороки заражаютъ ихъ, и раздѣляете съ ними тѣ волненія и страхи, какіе пережили они во время грознаго нашествія на Италію страшныхъ гунновъ, подъ предводительствомъ Аттилы, прозваннаго бычемъ Божіимъ. Учитель туринской церкви возвышается надъ своею паствою и силою образованія и силою вѣры. Онъ стоитъ по отношенію къ нимъ, какъ отецъ по отношенію къ дѣтямъ; они съ довѣріемъ и уваженіемъ собираются вокругъ его кафедры, чтобы слушать его назидательное, просвѣтительное и утѣшительное слово. И вамъ часто яснымъ становится то впечатлѣніе, съ какимъ уходятъ изъ церкви слушатели Максима, послѣ его краткихъ, но мѣткихъ и душевныхъ словъ.

II. О жизни Максима, епископа туринскаго (Augustae Taurinorum), исторія мало сообщаетъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Она не указываетъ ни мѣста его родины, ни его фамиліи, ни званія его родителей, и предоставляетъ въ этомъ случаѣ желающимъ довольствоваться одними догадками и предположеніями. Между этими догадками вы встрѣчаете одну, которая считаетъ его этрускомъ благороднаго происхожденія и называетъ его братомъ римскаго первосвященника св. Льва Великаго, другая называетъ его уроженцемъ Турина, третья показываетъ родину его въ Верцеллахъ и т. д. Исторія не знаетъ даже, одинъ ли Максимъ въ V вѣкѣ былъ епископомъ города Турина, или ихъ было два одного имени, и не знаетъ года, въ который Максимъ проповѣдникъ принялъ епископство.

Много споровъ велось въ литературѣ объ этихъ частныхъ вопросахъ. Мы оставляемъ эти споры, не приведшіе ни къ какому опредѣленному результату. Они не интересуютъ насъ и, мы надѣемся, не будутъ интересны нашимъ читателямъ. Мы хотимъ слѣдить пастырскую и проповѣдническую дѣятельность замѣчательнаго мужа, какъ бы забытаго исторіей, и она представляется намъ такою богатою и многосодержательною, что слѣды ея даютъ намъ возможность видѣть и цѣнить сколько личныхъ достоинства, и значеніе туринскаго пастыря, столько общую жизнь и направленіе всей его паствы. Точныя дѣтальности, касающіяся частной жизни дѣятелей, подобныхъ Максиму туринскому, въ нашемъ дѣлѣ составляютъ историческую роскошь и являются чѣмъ-то побочнымъ и второстепеннымъ. Мы принимаемъ историческаго дѣятеля въ то мгновеніе, когда онъ выходитъ изъ круга частной жизни въ сферу общественно-церковнаго служенія, и здѣсь слѣдимъ за работою его мысли и слова: предъ этою работою и ея плодами исчезаютъ мелкія черты, не имѣющія исторической важности и не способствующія уясненію существенныхъ сторонъ широкаго и виднаго предмета. Дѣятельность Максима туринскаго падаетъ на половину пятаго столѣтія. Онъ былъ современникъ вселенскаго халкидонскаго собора. Когда изъ Халкидона возвратились представители римскаго епископа, и папа римскій, Левъ I послалъ увѣдомленіе о рѣшеніи собора къ епископамъ медіоланской области, эти въ томъ же году, въ какомъ былъ и халкидонскій соборъ, т. е. 451-мъ, подъ предсѣдательствомъ Евсевія медіоланскаго составили синодъ, и на немъ въ числѣ епископовъ былъ и Максимъ туринскій, и на актахъ того синода читается его подпись: *Ego Maximus episcopus Ecclesiae Taurinalis in omnia suprascripta concensi et subscripsi, anathema dicens illis, qui de incarnationis Dominicae sacramento impia senserunt* (т. е., я Максимъ епископъ церкви

туринской на все вышеписанное согласился и (то) подписать, высказывая анаѣму тѣмъ, кто нечестиво думалъ о тайнѣ воплощенія Господня). Въ 452 году было нашествіе Аттілы на Италію, и мы видимъ въ это время Максима на бодрой и неуспынной стражѣ туринской церкви и туринскаго общества. Имя Максима записано также на актахъ 465 года. Въ этомъ году въ Римѣ Иларій, римскій первосвященникъ, созвалъ соборъ по дѣлу нѣкоего епископа Сильвана, противъ церковныхъ узаконеній поставившаго епископомъ въ неподчиненную ему епархію какого-то пресвитера, отказывавшагося отъ этого назначенія. Максимъ былъ на этомъ соборѣ, и авторитетъ его замѣтно былъ силенъ между его сослужителями и современниками. Мнѣнія его просили у него тотчасъ же послѣ Иларія, и голосъ его, послѣ римскаго епископа, цѣнился выше голоса другихъ соприсутствующихъ епископовъ. Неизвѣстно, за сколько лѣтъ до халкидонскаго собора занялъ туринскую кафедру Максимъ, неизвѣстно и то, долго ли онъ жилъ и послѣ 465 года. Во всякомъ случаѣ по этимъ даннымъ можно заключать, что дѣятельность его въ качествѣ епископа туринской церкви обнимаетъ собою лѣтъ около двадцати.

III. Въ литературной исторіи Максимъ туринскій извѣстенъ исключительно, какъ проповѣдникъ. Все, дошедшія до насъ, его сочиненія собесѣдовательнаго характера: они состоятъ изъ бесѣдъ, сказанныхъ имъ въ церкви въ продолженіе не маловажного его епископскаго служенія. Между ними нѣмныя немногія озаглавливаются именемъ трактатовъ (tractatus). Но это слово съ давнихъ поръ въ латинской письменности прилагалось къ означенію церковныхъ рѣчей, наравнѣ съ словомъ «homilia» и «sermo»: въ такомъ смыслѣ оно употреблялось еще у Лактанція и св. Кипріана. И трак-

таты, приписанные св. Максиму туринскому, вполне совпадаютъ съ формою бесѣдъ: они также кратки, какъ бесѣды, и въ нихъ есть и обращеніе къ братіи, которое свидѣтельствуешь о живомъ ихъ произношеніи. Исключеніе составляютъ два полемическіе трактата противъ язычниковъ и іудеевъ: но и въ нихъ виденъ ораторъ, который привыкъ къ живой бесѣдѣ, и очень можетъ быть, что эти трактаты—слѣды пастырской полемики Максима противъ иновѣрія, находившей себѣ мѣсто на церковной каѳедрѣ. Вообще талантъ Максима—талантъ проповѣдническій. И природнымъ расположеніемъ и призваніемъ пастырскаго долга онъ возбуждался къ труду гомилета, и въ этомъ направленіи, безъ особеннаго напряженія, развилъ себя до замѣчательной высоты и силы. Слово его, выливавшееся прямо изъ его сердца и обнаруживавшее горячую его заботливость о благѣ своей паствы, снискало ему почетное имя. При отсутствіи въ немъ ученаго характера, при его видимой раздробленности и замѣтномъ однообразіи, оно вмѣщаетъ въ себѣ разнообразныя интересы, и шире обнимаетъ свою эпоху, чѣмъ многотомныя творенія многихъ его современниковъ. И послѣдующій наблюдатель судебъ христіанской проповѣди съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на такой по видимому простой, но богатой и характерной личности, какою является Максимъ туринскій. Своею проповѣдническою дѣятельностію онъ замѣтно выдвигается изъ ряда своихъ сотрудниковъ, не только близкихъ къ нему по времени, но и далекихъ отъ него.

Между характеристическими свойствами бесѣдъ Максима туринскаго прежде всего поражаетъ прямота и непринужденность его рѣчи. Геннадій массилійскій свидѣтельствуешь, что Максимъ, епископъ туринскій, обыкновенно говорилъ проповѣди экспромтомъ, безъ приготовленія, и это свидѣтельство подтверждается складомъ и тономъ бесѣдъ его. Живая, какъ

бы домашняя, свободно переливающаяся и невыдуманная рѣчь пріятно поражаетъ читателя его проповѣдей, и она одинаково слышится во всемъ собраніи ихъ, отъ перваго слова до послѣдняго. Пастырь всегда открываетъ свое слово безъ всякихъ искусственныхъ приступовъ и пріемовъ, и ведетъ его просто, не позволяя себѣ эпизодическихъ отступленій отъ главнаго предмета, не пускаясь въ утонченныя діалектическія разбирательства. Послѣ обращенія къ слушателямъ, онъ указываетъ предметъ, которому посвящаетъ свое слово, и объ этомъ предметѣ дѣлаетъ замѣчанія, какія внушаетъ ему, при первомъ приступѣ къ дѣлу, пастырская опытность или любовь къ своей паствѣ. «Если вы прилежно слушали евангельское чтеніе, братіе, то вы могли понять, какъ важно для насъ соблюденіе добродѣтели (напримѣръ) смиренія...». «Святое дѣло, братіе, и Богу угодное чтить особеннымъ празднествомъ день кончины блаженнаго Лаврентія». «Ваша любовь, братіе возлюбленные, помнитъ, что мы говорили въ прошлое воскресенье», и рѣчь привязывается къ тому, что слышали его насомы въ прежній праздникъ. «У меня противъ многихъ изъ васъ, братіе, жалоба не малая: о тѣхъ говорю, которые, вмѣстѣ съ нами прославляя день рожденія Господня, предались празднествамъ языческимъ». Вотъ обыкновенное начало его бесѣды, и тонъ, данный такимъ простымъ началомъ, выдерживается во всей рѣчи.

Въ этомъ тонѣ прямой и безыскусственной рѣчи слышится пастырское добродушіе, и слово, полное искренности и сердечности, глубоко ложится на душу слушателей. Мягкія отеческія отношенія существовали у Максима съ его паствою, и они побуждали его къ бесѣдѣ съ нею въ каждое церковное собраніе. Они-то заставляли его называть ихъ то братіями, то братьями возлюбленными: это всегдашнее и самое обычное его обращеніе, и оно не отзывается оффиціальною или на-

вязанною обычаемъ манерою, а вполне гармонируетъ съ тѣмъ духомъ, какой заключается въ каждой бесѣдѣ Максима и во всей совокупности его гомилетическихъ трудовъ.

Бесѣда Максима длится обыкновенно очень короткое время. Двѣ страницы, много три—ея обыкновенный объемъ, и минутъ пять или восемь нужно было для ея произнесенія. Авторъ щадилъ вниманіе слушателей или старался, чтобы они, не утомляясь длиннотою рѣчи, могли усвоить все, что ему казалось полезнымъ и назидательнымъ для нихъ. У западныхъ древнихъ проповѣдниковъ вообще краткость—отличительное свойство; но у Максима она достигаетъ самыхъ послѣднихъ своихъ предѣловъ. У другихъ притомъ бывають и отступленія отъ закона краткости, но Максимъ всегда ему вѣренъ, и вы не найдете у него ни одного слова, которое бы хоть въ половину достигало объема восточныхъ греческихъ проповѣдей. При этомъ законъ краткости, конечно, только существенное и прямо относящееся къ дѣлу слышится изъ устъ проповѣдника. И если оказывается неудобнымъ совмѣстить въ одномъ словѣ все, что содержится въ предметѣ проповѣди, авторъ рѣшается скорѣе раздѣлить на нѣсколько словъ одну и ту же тему, чѣмъ дозволить себѣ отступленіе отъ обычая говорить немного, безъ всякаго утомленія для слушателей. Въ слѣдствіе этого у него установилась манера разбирать предметы проповѣдничества въ нѣсколько пріемовъ, то есть, нѣсколько воскресеній съ-ряду говорить объ одномъ и томъ же предметѣ. Такъ напримѣръ есть у него нѣсколько проповѣдей о милостыни и о постѣ, которыя сказаны были одна за другою въ преемственномъ ряду праздничныхъ собраній въ церкви его паствы. Вы найдете также проповѣди о крестѣ, о праздникѣ Богоявленія, объ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ, которыя представляютъ раздробленные и раздѣленные на дни тирады одного и того же трактата, и въ этомъ

случаѣ обыкновенною связью проповѣдей являются начальныя слова: «вчера или въ прошлое воскресеніе мы сказали, что крестъ Христовъ принесъ спасеніе роду человѣческому», или: «въ прошлое воскресеніе, разбирая евангельское чтеніе (о пришествіи Господнемъ, Матѣ. XXIV), мы разъяснили нѣкоторую часть его, остается пройти послѣдующее» (Бес. 3), или: «ваша любовь помнитъ, что мы, когда за нѣсколько дней вели бесѣду съ вами о милостыни, первѣе всего хотѣли найти начало милосердія, и потомъ нашедши источникъ добродѣтели показали, что нечистоту жены самарянскій лучше могла очистить вода Христова, чѣмъ вода Самаріи, и что милосердіе чище омываетъ грѣхи, чѣмъ колодезь» (Бес. 68). Въ такой методѣ построения и раскрытія проповѣдническаго ученія виденъ практическій тактъ христіанскаго учителя. Краткое слово, чуждое всякихъ извитій, мѣтко и сильно впечатлѣваетъ въ умъ и сердца слушателей пунктъ излагаемаго ученія, а неоднократное повтореніе его или развитіе его путемъ многихъ бесѣдъ, преемственно слѣдующихъ одна за другою, усиливаетъ и углубляетъ первоначальное впечатлѣніе, и припоминая старое безъ утомленія ведетъ къ дальнѣйшему: какъ капля за каплей пробиваетъ камень, такъ слово за словомъ, слѣдуя въ одномъ направленіи, подчиняетъ себѣ и непокорное сердце, и невольно пролагаетъ къ нему путь преднамѣреннымъ стремленіямъ и желаемымъ истинамъ. Въ особенности для непривыкшихъ и для неимѣющихъ научнаго образованія полезна и необходима такая постройка гомилетическаго изложенія: люди опыта видятъ въ ней одно изъ главныхъ условій успѣшнаго проповѣдничества простому необразованному народу. А таковы въ большинствѣ были слушатели св. Максима туринаскаго.

При прямотѣ и краткости слова, проповѣдь Максима отличается особенною выразительностію и прозрачнію. Не

нужно, особеннаго напряженія вниманія для того, чтобы уловить смыслъ рѣчи во всей его полнотѣ. Ясная мысль видна во всемъ своемъ свѣтѣ въ словѣ Максима, и она находитъ легкій доступъ себѣ и въ ученыхъ, развитыхъ, и въ простыхъ, необразованныхъ душахъ.

Но это свойство рѣчи Максима отнюдь не служитъ признакомъ мелкости и поверхностности мысли. Напротивъ и въ простомъ, для всѣхъ доступномъ, и прозрачномъ словѣ онъ умѣлъ показать и силу своей мысли, и широту своего образования, и доводную для того времени начитанность не только въ христіанской, но и въ классической литературѣ. Читая бесѣды Максима, вы чувствуете, что проповѣдникъ владѣетъ всѣми средствами образованія, и что мысль его не боится ухищреній діалектики. Не богословское только знаніе открывается и заявляется въ проповѣдяхъ Максима; онъ говоритъ съ увѣренностію знатока и о предметахъ астрономіи и естественной науки (въ рѣчахъ о лунномъ затмѣніи), и видно, что въ своемъ взглядѣ на вещи онъ стоялъ на верху своего общества. Паства его представляется темною и не свѣдущею, и онъ какъ дѣтямъ толкуетъ имъ о тайнахъ или законахъ природы, которые ему извѣстны болѣе, чѣмъ кому другому изъ окружающихъ его. Въ проповѣдяхъ краткихъ, не гоняющихся за распространеніемъ, трудно было показать особенную начитанность въ свѣтской литературѣ. Между тѣмъ вы видите здѣсь по мѣстамъ доказательства ея. Такъ, проповѣдуя о страданіяхъ и крестѣ Господа, онъ рассказываетъ своимъ слушателямъ басню объ Улиссѣ, взятую отъ двѣнадцатой книги Одиссеи, какъ онъ избавился отъ опасности кораблекрушенія въ томъ мѣстѣ, гдѣ раздавался сладкій голосъ сиренъ, велѣвши привязать себя къ дереву, — и эту басню прилагаетъ, какъ бы нѣкоторый прообразъ, къ избавленію

всего рода человѣческаго отъ опасности смерти древомъ креста ¹⁾).

Превосходство образованія Максимова, въ сравненіи съ образованіемъ его паствы, при задушевномъ искреннемъ тонѣ бесѣды, заставляетъ его иногда орудіемъ ироніи и насмѣшки сражать повѣрья и грубыя убѣжденія своихъ слушателей. Различіе въ воззрѣніяхъ между нимъ и его паствою иногда чувствовалось имъ довольно сильно, и онъ позволялъ себѣ остроты въ церковной рѣчи, чтобы тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе поднять до уровня своего сознанія мало знающую паству свою, привязанную къ темнымъ преданіямъ старины, властвующимъ надъ легковѣріемъ человѣка. Эта иронія, здѣсь и тамъ являющаяся среди серьезнаго и наставительнаго тона церковной рѣчи, придаетъ ей особенную прелесть и теплоту; и слушатели не могли обижаться ею, видя отеческое снисхожденіе и любовь къ себѣ своего пастыря. Серьезность и важность церковнаго слова здѣсь сочетавалась съ искренностію и теплотою домашней, семейной бесѣды.

Самыми обычными приѣмами, къ какимъ прибѣгалъ св. Максимъ туринскій при развитіи своего ученія въ проповѣдяхъ и какими онъ старался то усиливать, то оживлять и разнообразить свою рѣчь, были у него во-первыхъ обращеніе къ мѣстамъ св. Писанія при доказательствахъ своей мысли, и во-вторыхъ—приведеніе и описаніе такихъ или иныхъ явленій изъ жизни природы или міра физическаго для сравненія и уясненія аналогическихъ явленій міра нравственнаго.

Мѣста Писанія служатъ у Максима не вводнымъ текстомъ, какъ въ нашихъ проповѣдяхъ. Нашъ вводный текстъ замѣняло у него, какъ и у другихъ въ его время, дневное библейское или евангельское чтеніе, непосредственно предшествовавшее

¹⁾ Homil. 49. Cursus completus Patrologiæ, tomus LVII, p. 339.

открытію проповѣди. И проповѣдникъ, если изъяснялъ это членіе, какъ часто бывало, уже не повторялъ его, выступая съ своимъ словомъ, а прямо присоединялъ къ нему то или другое назиданіе или выражалъ общую мысль, въ немъ заключающуюся. Характерность Максимова проповѣдничества въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что тексты Писанія часто, хотя не въ большомъ количествѣ, и отрывочно вплетаются въ логическую нить его мысли: они вводятся проповѣдникомъ въ связь его рѣчи изъ разныхъ книгъ и мѣстъ св. Писанія, а не изъ одного прочитаннаго дневнаго отдѣла Библии. Живое воспоминаіе, при раскрытіи того или другаго предмета, умѣетъ находить въ богатой сокровищницѣ слова Божія наиболѣе видныя и сродныя мѣста, нужныя для изъясненія или укрѣпленія мысли. И въ ряду доказательствъ эти мѣста служатъ одними изъ самыхъ сильныхъ для убѣжденія вѣрующіхъ слушателей, и потому съ большимъ вниманіемъ приводятся и изъясняются проповѣдникомъ.

Сравненія и картины видной природы, также не принужденно, какъ и тексты Писанія, являются въ проповѣдной рѣчи Максима. Они иногда указываются кратко, а иногда развиваются подробно, и проповѣдникъ въ длинной параллели примѣромъ неразумной природы убѣждаетъ къ такому или другому нравственному дѣйствию разумнаго человека. Примѣры разъяснительные всегда берутся изъ близкихъ, знакомыхъ слушателямъ, сферъ. Вотъ напримѣръ проповѣдникъ показываетъ ¹⁾ духовные плоды поста и воздержанія, хранящаго церковь во дни св. сорокаднницы, — и онъ представляетъ вниманію слушателей нѣсколько явленій физической природы, близкихъ по времени къ св. сорокаднницѣ, и чрезъ нихъ выясняетъ свою мысль по всей длинѣ своей

¹⁾ Hom. XXXVIII. Patrol. cursus completus, p. 308—310.

проповѣди. То онъ показываетъ, какъ размягчается и оживаетъ земля послѣ зимняго холода, и какъ воспринимаютъ свое теченіе рѣки, освободившись отъ льда, и этимъ сравненіемъ, выясняетъ, какъ въ теченіе поста наши тѣла освобождаются отъ грѣховъ, и какъ теченіе жизни нашей, по уничтоженіи холода и растаяніи льда діавольскаго, дѣлается чище и снова находитъ свой прежній путь. То упоминаетъ о томъ, что землю разбиваютъ плугами для того, чтобы сдѣлавшись рыхлѣе она, лучше могла принести плоды, и отсюда выводитъ, что и земля душъ нашихъ подобно обыкновенной землѣ разрыхляется и бороздится постомъ, чтобы воспринять и произрастить сѣмена небесныя. Въ то время, когда церковь блюдетъ постъ четыредесятницы (представляетъ далѣе Максимъ), начинается выростать трава и поля покрываются зеленью, распускаются деревья, дѣлаютъ отпрыски виноградныя лозы, и все отъ низу, возвышается къ верху. Такъ въ то же время оживаетъ забытая надежда, восстанавливается потерянная вѣра, временная жизнь дѣлаетъ приготовленія для жизни вѣчной, и весь родъ человѣческій возвышается отъ земнаго къ небесному, отъ дольняго къ горнему. Земледѣлецъ въ это время желѣзомъ обрѣзываетъ сухія и лишнія вѣтви на виноградныхъ деревьяхъ: такъ и епископъ нынѣ, разъясняя евангеліе, этимъ самымъ отсѣкаетъ нечистоты, приросшія къ душамъ народа, чтобы, освободившись отъ всего лишняго, онѣ явились въ большей красотѣ и силѣ ко дню Пасхи. Все растетъ и разцвѣтаетъ въ природѣ въ это время, когда люди проводятъ четыредесятницу, готовясь принести въ послѣдствіи плоды, и видъ природы совершенно измѣняется: на колючемъ тернѣ вырастаетъ роза, на тростникѣ разцвѣтаетъ лилія, сухіе кустарники одѣваются красивою одеждою и издаютъ благовоніе,—все украшается цвѣтами, какъ будто сама тварь блескомъ своего вида старается прославить торжество великаго дня. Такъ и мы въ то же самое

время поста произрастимъ изъ терна розу, то есть, изъ грѣховъ справедливость, изъ жестокости милосердіе, изъ скупости щедрость. Это цвѣты жизни нашей, которые издають сладкій и пріятный запахъ, привлекающій любовь и милость Христа и Бога..... Подобныя живописныя представленія очень часто встрѣчаются въ проповѣдяхъ Максима. Онъ напримѣръ убѣждаетъ своихъ слушателей непремѣнно молиться Богу и утромъ и послѣ обѣда,—и цѣніе или чириканье маленькихъ птиць, какимъ онѣ оглашаютъ воздухъ, просыпаясь отъ сна въ своихъ гнѣздахъ, и послѣ принятія пищи, среди полей, лѣсовъ и улицъ, является въ его словѣ примѣромъ, какимъ онъ хочетъ пристыдить человѣка, часто забывающаго долгъ благодарности по отношенію къ своему Творцу и Промыслителю: въ пѣніи птиць, такъ часто раздающемся предъ нашими слухомъ, онъ видитъ и указываетъ ихъ безсодвную благодарственную молитву къ Богу, ихъ создавшему и питающему ¹⁾. Говоритъ онъ объ еретикахъ, которые отвращаются отъ свѣта, сіяющаго въ церкви и словѣ Божиѣмъ, и ихъ свойства изображаются имъ въ образѣ ночныхъ птиць, которыя, имѣя большія глаза, любятъ тму ночную и ничего не видятъ при свѣтѣ солнца и потому боятся этого свѣта..—Конечно, такія картины и сравненія, помощію которыхъ любитъ раскрывать свои мысли нашъ проповѣдникъ, не всегда имѣютъ силу убѣдительности; но дѣйствуя на воображеніе, онѣ во-первыхъ пріятно разнообразятъ монотонность наставительной рѣчи, и съ другой стороны, давая ей живой поэтическій колоритъ, заставляютъ слушателя съ большимъ вниманіемъ войти своею мыслию въ живописуемый предметъ, и помогаютъ ему легче найти за внѣшнимъ покровомъ внутреннія, иногда трудно уловимыя, черты его. Слово проповѣдническое адресуется не къ одному

¹⁾ Ном. LXXXIX, р. 458.

разсудку; оно должно быть направлено ко всей полнотѣ души нашей, и не одною рукою, не одною сухою діалектикою класть въ нее сѣмена святаго назиданія. Часто проповѣдникъ въ своихъ цѣляхъ ничего не можетъ сдѣлать цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ неопровержимыхъ доказательствъ; но одно слово, подѣйствовавшее на сердце или воображеніе, вдругъ перемѣняетъ убѣжденіе прежде непокорнаго слушателя. Въ жизни религіозной далеко не всѣ водятся логикою мысли, большая часть слѣдуетъ логикѣ воображенія или логикѣ чувства и сердца. И истинно плодотворнымъ и всегда дѣйственнымъ проповѣдникомъ можетъ быть только тотъ, кто умѣетъ побѣждать мысль, увлекать сердце и поражать воображеніе.

IV. Исслѣдователи христіанской письменности всегда съ уваженіемъ отзывались о св. Максимѣ туринскомъ, и иные довольно подробно перечисляли тѣ предметы, о какихъ ему приходилось бесѣдовать съ народомъ. Во главѣ всѣхъ этихъ историко-литературныхъ отзывовъ стоитъ первое слово, посвященное св. Максиму, Геннадія пресвитера масилійскаго (жившаго въ концѣ V вѣка и продолжавшаго историко-литературный обзоръ христіанскихъ писателей блаж. Іеронима), въ его *«Каталогъ славныхъ мужей»*. Этотъ отзывъ Геннадія тѣмъ замѣчательнѣе, что часто въ послѣдствіи почти буквально повторялся людьми, занимавшимися исторіею духовной письменности. По этому отзыву «Максимъ, епископъ туринской церкви, довольно свѣдущій въ священномъ Писаніи и обладавшій способностію учить народъ импровизованнымъ словомъ, составилъ слово въ похвалу апостоловъ и другое въ похвалу Іоанна Крестителя, и общую бесѣду въ честь всѣхъ мучениковъ. Но также многое мудро онъ изъяснялъ и изъ чтеній евангелій и дѣяній апостольскихъ. Составилъ онъ еще два слова о жизни св. Евсевія исповѣдника, епископа верцель-

скаго, также о жизни св. Кипріяна, и издалъ особую книгу о благодати крещенія. Писалъ онъ о скупости, о страннолюбіи, о затмѣніи луны, о милостыни, о томъ, что написано у Исаіи: *корчемницы твои мѣшаютъ вино съ водою*, о страстяхъ Господнихъ, о постѣ рабовъ Божіихъ, въ частности о постѣ сорокаднницы и о томъ, что не нужно предаваться разсѣянію и веселію въ продолженіе ея, о Іудѣ предателѣ, о крестѣ Господа, о Его погребеніи и воскресеніи, объ обвиненіи Его предъ Пилатомъ и осужденіи Его, о календахъ январскихъ. Писалъ онъ еще много бесѣдъ на Рождество Господне, на Богоявленіе, на Пасху и на Пятидесятницу, и о томъ, что не нужно бояться плотскихъ враговъ, и о томъ, что нужно благодарить Бога послѣ принятія пищи, о покаяніи невинитянъ; читалъ я и многія другія его бесѣды о различныхъ предметахъ, которыхъ не припомню*.

Мы не будемъ повторять отзывы о литературныхъ трудахъ Максима, сдѣланныхъ писателями среднихъ и новыхъ вѣковъ. Всѣ они въ сущности представляютъ изъ себя повтореніе отзыва Геннадіева, иногда буквальное, съ нѣкоторыми небольшими дополненіями.

Отзывъ Геннадія о св. Максимѣ туринскомъ имѣетъ видъ простаго лѣтописнаго сказанія. Онъ передаетъ только, какія онъ читалъ и знаетъ бесѣды и сочиненія Максима, и передаетъ безъ особенныхъ сужденій, исключая общей похвалы личности автора. Перечень бесѣдъ или ихъ матерій у Геннадія представленъ безъ всякой системы, какъ будто только случайное воспоминаніе выдвигало предъ нимъ то то, то другое произведеніе. Но не смотря на эту несистематичность и непосредственность каталога твореній Максима, данного намъ Геннадіемъ, онъ указываетъ всѣ существенные пункты или стороны, съ какихъ можетъ быть обозрѣваема совокупность гомилетическихъ трудовъ Максима, и, хотя не ясно,

намѣчаетъ тѣ категоріи, подъ какія могутъ быть подведены его многочисленныя церковныя бесѣды. Онъ говорилъ свои бесѣды прежде всего въ изъясненіе евангельскихъ и апостольскихъ чтеній; говорилъ онъ свои проповѣди по воскреснымъ днямъ, но также и въ праздники, напримѣръ много проповѣдей онъ оставилъ сказанныхъ имъ на Рождество Христово, на Богоявленіе, на Пасху, на Пятидесятницу; говорилъ онъ проповѣди и на чотыредесятницу и на дни многихъ святыхъ. Каждый разъ въ этомъ случаѣ содержаніе его бесѣдъ имѣло непосредственное отношеніе къ обстоятельствамъ праздника или церковнаго дня: оно разъясняло эти обстоятельства и указывало нравственныя уроки, какіе можно извлекать изъ того или другаго случая или историческаго указанія. Геннадій съ особенною внимательностію указывасть на проповѣди, говоренныя въ теченіе чотыредесятницы: въ эти дни Максимъ говорилъ о постѣ, о томъ, какъ нужно проводить его, о томъ, что не нужно въ теченіе поста предаваться свѣтскимъ разсѣяніямъ; къ этимъ же днямъ относятся проповѣди о страданіяхъ и крестѣ Спасителя, о Іудѣ предателѣ, о благоразумномъ разбойникѣ, о судѣ Спасителя предъ Пилатомъ. Изъ святыхъ Максимъ почтилъ словомъ церковной хвалы мучениковъ, апостоловъ и въ особенности Петра и Павла, Іоанна Крестителя, Евсевія верцельскаго, св. Кипріана, св. Лаврентія и многихъ другихъ. Догматическія воззрѣнія разсѣяны въ проповѣдяхъ Максима, но они составляютъ въ нихъ нѣчто случайное и побочное. Главное стремленіе проповѣди Максима—нравственное, и Геннадію бросились въ глаза нѣкоторыя, наиболѣе любимыя Максимомъ, чаще и лучше развиваемыя имъ нравственныя темы,—это о скупости, страннолюбіи, милостыни и о постѣ. Этимъ матеріямъ посвящено у Максима нѣсколько бесѣдъ; однѣ изъ нихъ составляютъ связный рядъ бесѣдъ, слѣдовавшихъ одна за другою, другія отдѣлены отъ

этихъ временемъ, и представляютъ новое раскрытіе той же темы. Видно, что къ этимъ матеріямъ о милосердіи и постѣ не разѣ во время своего пастырскаго служенія возвращался съ своимъ словомъ Максимъ туринскій. Кромѣ евангельскихъ чтеній и праздниковъ церковныхъ, иногда особыя обстоятельства города и отечества вынуждали Максима отвѣчать церковнымъ назиданіемъ на исключительныя требованія своего времени. Въ перечнѣ Геннадія есть эти историческія бесѣды Максима, вызванныя исключительными обстоятельствами времени; но онѣ довольно тускло обозначены здѣсь; по этому указанію не видно ихъ историческое значеніе. Это именно слова о затмѣннїи луны, о календахъ январскихъ, о томъ, что не нужно бояться плотскихъ враговъ, о покаяніи ниневитянъ и т. под. Первые слова о календахъ и затмѣннїи луны вызваны внутреннимъ состояніемъ туринскаго общества; послѣднія относятся къ политическимъ обстоятельствамъ Италіи. Онѣ сказаны во время нашествія Атиллы и представляютъ свидѣтельство пастырской заботливости Максима о своей паствѣ, его мужества, политической и христіанской мудрости. Отзывался Максимъ въ своей проповѣди и на другія политическія обстоятельства своего отечества, напримѣръ въ его словѣ вы находите указаніе и на нашествіе Гензериха на Италію. Но это обстоятельство, какъ и нѣкоторыя другія, не взволновали такъ италіянскаго общества, какъ страшное нашествіе гунновъ, и потому не овладѣли такъ вниманіемъ проповѣдника, какъ гроза, проносимая Атилию по западному міру.

Самое полное и тщательное изданіе бесѣдъ Максима туринскаго сдѣлано въ *Patrologiæ cursus completus*, гдѣ творенія Максима заключаются въ 57 томѣ, изданномъ въ 1847 году. Въ немъ тщательно провѣрены всѣ прежнія изданія его твореній и разные кодексы, въ которыхъ они находятся. Кромѣ того оно отличается отъ другихъ изданій

своею полнотою: въ немъ нѣкоторыя бесѣды въ первый разъ изданы, и въ добавокъ къ совокупности проповѣдей, признанныхъ несомнѣнно подлинными, приложено довольно значительное число такихъ, которыя могутъ только по вѣроятію считаться произведеніями Максима, на основаніи внутренняго сходства и внѣшняго сопоставленія ихъ въ спискахъ, изъ которыхъ издатели черпали наслѣдіе древней письменности. Изъ такихъ значительная часть въ первый разъ издана Минье въ *Patrologiæ cursus completus*.

Издателямъ бесѣдъ и твореній Максима туринскаго, какъ издателямъ гомилетическихъ твореній и другихъ древнихъ отцовъ, стоило немалого труда собрать ихъ и именемъ одного автора означить и объединить всѣ подлинныя его творенія. Древніе проповѣдники не всегда записывали свои поученія: вѣроятно, не записывалъ своихъ поученій и св. Максимъ, говорившій ихъ экспромптомъ. Въ древности поученія отцовъ часто записывались слушателями ихъ, и многія изъ такихъ поученій, записанныхъ почитателями извѣстнаго проповѣдника или любителями назидательнаго ученія, вовсе не были на глазахъ ихъ авторовъ и распространялись въ тишинѣ между благочестивыми людьми, безъ воли авторовъ. Эти бесѣды, распространяясь въ обществѣ, могли давать поводъ къ составленію книгъ, гдѣ рядомъ записывались бесѣды многихъ авторовъ. Древнимъ переписчикамъ и любителямъ благочестиваго чтенія интересно было содержаніе бесѣдъ, а объ ихъ авторахъ, объ отдѣленіи поученій одного проповѣдника отъ другаго у нихъ не могло быть особенной заботы. Такимъ образомъ образовались сборники поученій: они могли сокращаться и расширяться; въ нихъ къ одному имени могли прилагаться чужія и разнообразныя поученія, и основное содержаніе, взятое изъ одного завѣдомаго автора, могло заслоняться наплывомъ и смѣшеніемъ новаго матеріала, поставленнаго наряду

съ первымъ только по родству содержанія или по сходству проповѣднической формы. Такое распространеніе напимѣрь бесѣдъ св. Григорія Двоеслова дало ему поводъ собрать и пересмотрѣть ходячія его проповѣди, и потомъ издать ихъ въ упорядоченномъ и исправленномъ видѣ. Но людей, такъ аккуратныхъ въ дѣлѣ письменности, какъ аккуратенъ былъ св. Григорій Двоесловъ, въ древности было немного. У другихъ, если было вниманіе къ книгамъ, то больше къ книгамъ, вызваннымъ не нуждою церковнаго назиданія, которой удовлетворяли больше импровизованнымъ словомъ, а другими цѣлями, учеными, полемическими или апологетическими, къ книгамъ, составлявшимъ собою цѣльное изслѣдованіе какого либо предмета, а не сборъ мелкихъ бесѣдъ о разныхъ предметахъ. Вопросъ объ авторской собственности въ то время еще не поднимался; и отцы проповѣдники, пуская въ міръ слово назиданія, не думали ревновать о своей славѣ. Во всякомъ случаѣ въ церквахъ или въ церковныхъ библіотекахъ были сборники проповѣдей, различные по величинѣ и по содержанію: они могли происходить одинъ отъ другаго, но время и переписчики въ каждой копіи дѣлали измѣненія противъ подлинника. Эти сборники надписывались именемъ, безъ соблюденія научной строгости: иногда имя лучшаго проповѣдника давало названіе книгѣ, въ которой вмѣстѣ съ его проповѣдями содержалось много поученій, принадлежащихъ другимъ, менѣе его извѣстнымъ и замѣчательнымъ проповѣдникамъ, какъ напимѣрь у насъ именемъ Златоустовыхъ проповѣдей означались поученія, принадлежація и отечественнымъ писателямъ. Иногда сборнику проповѣдей разныхъ проповѣдниковъ давалось одно имя того автора, отъ котораго заимствовано больше склада, чѣмъ отъ другихъ, соединенныхъ съ нимъ въ одной книгѣ. Старымъ временамъ не знакомы были тѣ авторскіе обычаи, какіе укоренились у насъ, послѣ утвержденія и распростра-

ненія печатнаго дѣла. Такимъ образомъ проповѣди Максима смѣшаны въ древнихъ рукописяхъ съ проповѣдями другихъ учителей церковныхъ, близкихъ къ нему по времени, именно— Амвросія, Кесарія арелатскаго, Августина и другихъ. Въ прошлый и пастоящій вѣкъ многое сдѣлано для разрѣшенія путаницы въ древнихъ рукописныхъ сборникахъ проповѣдей. По отношенію къ бесѣдамъ Максима полную и окончательную разработку сдѣлалъ нѣкто Бруно Брунусъ, римскій клирикъ, перевѣрившій бывшія до него изданія проповѣдей Максима и открывшій въ многочисленныхъ кодексахъ много бесѣдъ, неизвѣстныхъ прежнимъ издателямъ. Изданіе Бруно Брунуса вышло въ Римѣ въ 1784, по распоряженію Пія VII. Этимъ изданіемъ руководствовалась редакція *Patrologiae cursus completus*.

Въ изданіи Минье мы имѣемъ болѣе 250 проповѣдей: количество, достаточное для того, чтобы судить о силѣ и характерѣ слова нашего проповѣдника. Но мы полагаемъ, что это только часть многочисленныхъ бесѣдъ Максима, сказанныхъ имъ въ теченіе его архипастырскаго служенія. Изъ его проповѣдей очень многія могли потеряться; такъ какъ онъ говорилъ, экспромптомъ свои краткія пастырскія бесѣды и увѣщанія, и не думалъ хранить и распространять ихъ по другимъ церквамъ. Ихъ сохранилъ для насъ случай или благочестивое вниманіе туринскихъ христіанъ, и, конечно, эти хранители не могли заботиться о полнотѣ изданія. И изъ записанныхъ рѣчей такія краткія произведенія, какими являются всѣ бесѣды Максима, могли затеряться, если не попадали въ сборникъ. Въ бесѣдахъ Максима есть доказательства на то, что онъ проповѣдывалъ въ каждое воскресенье и въ каждый праздникъ. Эти доказательства можно видѣть въ часто встрѣчающихся у него указаніяхъ на содержаніе бесѣды прошлаго воскресенья, на то, что онъ говорилъ вчера или

за нѣсколько дней. Иногда онъ прямо говоритъ своимъ слушателямъ, что онъ старается постоянно, каждое воскресенье поучать ихъ ¹⁾, и что онъ не преставае съ возможнымъ усердіемъ заботиться о нихъ ²⁾. Значить, при постоянной заботливости Максима о своей паствѣ, туринское общество слышало отъ него гораздо больше проповѣдей, чѣмъ сколько мы имѣемъ ихъ передъ собою.

Въ изданіи бесѣдъ св. Максима туринскаго, онѣ раздѣлены на три отдѣла: бесѣды (*homiliae*), рѣчи (*sermones*) и трактаты (*tractatus*). Первыхъ 118 подлинныхъ и кромѣ того 3 сомнительныхъ, вторыхъ 116 подлинныхъ и 31 сомнительныхъ. Въ числѣ трактатовъ значатся три поученія о крещеніи; они сказаны одно за другимъ въ церкви крещенымъ и вѣрнымъ. Въ началѣ перваго изъ нихъ проповѣдникъ приглашаетъ своихъ слушателей съ особеннымъ вниманіемъ и усердіемъ выслушивать ту рѣчь, какую онъ обращаетъ къ ихъ любви, и въ основаніе этого представляетъ важность того предмета, о которомъ онъ хочетъ говорить и о которомъ могутъ слушать изъясненіе только вошедшіе въ церковь чрезъ благодать крещенія. «Отпустивши уже оглашенныхъ (говоритъ онъ) мы только васъ удержали для слушанія; потому что мы намѣрены говорить не о томъ, что нужно соблюдать вообще всѣмъ христіанамъ, но объ особенныхъ небесныхъ таинствахъ, о которыхъ могутъ слушать только тѣ, которые, по благодати Господа, уже восприняли ихъ. Вы должны съ тѣмъ большимъ благоговѣніемъ выслушивать то, что мы говоримъ, чѣмъ важнѣе ученіе, повѣряемое однимъ крещенымъ и вѣрнымъ слу-

¹⁾ Serm. 104, p. 735.

²⁾ Homil. 100. p. 483. Hom. CXI «И сами знаете братья (начинаетъ онъ III-ю бесѣду), что я съ тѣхъ поръ, какъ началъ съ вами жить, не преставае каждое воскресенье учить васъ, и то увѣщаніями, то упреками, внушать вамъ повиновеніе заповѣдямъ Божиимъ» p. 511.

шателямъ, по отношенію къ тому, что привыкли слышать и оглашенные» ¹⁾. Очевидно, эти трактаты тѣ же рѣчи и бесѣды, какія содержатся въ первыхъ двухъ отдѣлахъ; только они служатъ продолженіемъ огласительнаго ученія, вѣроятно преподававшагося часто самимъ Максимомъ (какъ видно изъ приведенныхъ и нѣкоторыхъ другихъ выраженій того же перваго трактата: «не удивляйтесь, возлюбленные братія, что мы при самомъ таинствѣ не сказали вамъ о силѣ таинства, что съ-разу не разъяснили того, что преподавали»), хотя слѣды этихъ огласительныхъ поученій не дошли до насъ. За этими тремя поученіями слѣдуютъ два полемическіе трактата: одинъ противъ язычниковъ, другой противъ іудеевъ, изданные съ значительными пропусками, по неисправности текста тѣхъ списковъ, въ которыхъ они были найдены. Они имѣютъ гораздо больший объемъ, чѣмъ какой дается Максимомъ его церковнымъ бесѣдамъ, и направлены къ опроверженію заблужденій иновѣрія, и болѣе всего выказываютъ діалектическую силу проповѣдника, но и въ нихъ встрѣчаются собесѣдовательныя обращенія, и потому и они могли быть прочитаны или сказаны если не среди церковнаго богослуженія, то среди благочестиваго собранія вѣрующихъ. Къ трактатамъ причислены 23 изъясненія (expositiones) евангельскихъ чтеній. Эти изъясненія, какъ видно, тоже сказаны въ церкви, или представляютъ краткій эскизъ того, что говорилъ или только намѣренъ былъ говорить проповѣдникъ. Первое изъясненіе (Марк. VI, 31) начинается словами: «сегодня прочтено въ святомъ евангеліи, что Господь Іисусъ наплатъ въ пустынѣ пятью хлѣбами и двумя рыбами пять тысячъ мужей» ²⁾. Или 12-е подобнымъ образомъ открывается словомъ: «нынѣ намъ

¹⁾ Patrologiae cursus completus, p. 771.

²⁾ Patr. curs. compl., p. 807.

рѣсказано въ святомъ евангеліи, что Лазарь четверодневный возбужденъ Господомъ, когда Спаситель молился ко Отцу и говорилъ: *Отче, благодарю Тя, яко услышалъ Мя еси....* Послушайте, братіе: тѣло Лазаря лежало мертвое и бездыханное во гробѣ» ¹⁾ и пр.. Или: «сегодня мы слышали рѣсказъ (о богатомъ и Лазарѣ).. Разсмотримъ, братіе, положеніе богатаго и нищаго» ²⁾. Тонъ и характеръ рѣчи, встрѣчающійся во всѣхъ изъясненіяхъ Максима, указываетъ прямо на ихъ гомилетическое назначеніе, и по своему духу и складу они какъ разъ подходятъ къ прочимъ церковнымъ бесѣдамъ нашего проповѣдника.

Между бесѣдами и рѣчами Максима мы не замѣчаемъ никакой разности, и часто трудно понять, почему то или другое поученіе отнесено въ разрядъ бесѣдъ, а третье въ разрядъ рѣчей. Всѣ онѣ, и рѣчи и бесѣды, одинаково коротки, одинаковаго склада и тона и даже содержанія, во всѣхъ ихъ одинаковомъ отношеніи къ обстоятельствамъ того или другаго праздника или къ тому или другому евангельскому чтенію. Одинъ и тотъ же нравственный предметъ, напримѣръ о милостыни, также раскрывается въ бесѣдахъ, какъ въ рѣчахъ. Бесѣды Максима туринскаго, какъ многія бесѣды и другихъ западныхъ проповѣдниковъ, не похожи на изъяснительныя поученія восточныхъ проповѣдниковъ. Изъяснительныя бесѣды восточныхъ отцовъ разбираютъ текстъ писанія, стихъ за стихомъ, слово за словомъ, и при этомъ входятъ въ большія подробности: гомилія въ этомъ случаѣ является непосредственнымъ раскрытіемъ смысла того или другаго отдѣла Писанія, отъ него всецѣло получающимъ порядокъ и свое содержаніе, и объемъ ея достигаетъ большею частію значительной для церковнаго поученія величины. Краткія бесѣды Максима не

¹⁾ Patr. c. compl. p. 819.

²⁾ — p. 826.

входить въ подробный разборъ текста Писанія, и получаютъ отъ него только мотивъ къ темѣ или исходную точку; а часто и вовсе ничѣмъ, кромѣ внутренняго духа, не заявляютъ отношенія къ библейскимъ чтеніямъ. Равнымъ образомъ и рѣчи Максима—вовсе не рѣчи на случай, въ какихъ выказывалось ораторское искусство восточныхъ проповѣдниковъ, и какія служатъ доселѣ свидѣтельствомъ художественныхъ пристрастій, управлявшихъ публичнымъ словомъ образованныхъ эллиновъ. Рѣчи Максима тѣ же краткія простыя поученія, какъ и бесѣды; и онѣ не менѣе бесѣдъ примыкаютъ къ словамъ Писанія, и также совершенно объясняютъ ихъ, какъ и бесѣды ¹⁾. Между бесѣдами и рѣчами одинаково встрѣчаются рѣчи похвальные и назидательныя на дни святыхъ. И бесѣды какъ и рѣчи вызываются особенными обстоятельствами того времени. Вообще произволь издателей, а не внутреннее различіе вводитъ раздѣленіе между твореніями Максима, и два и даже три отдѣла ихъ, допущенные издателями, дѣло унаслѣдованной привычки, а не логическихъ соображеній.

Гораздо значительнѣе и состоятельнѣе раздѣленіе какъ бесѣдъ, такъ и рѣчей Максима на бесѣды и рѣчи 1) *de tempore*, 2) *de sanctis*, и 3) *de diversis*. Это раздѣленіе введено въ проповѣднической литературѣ еще со временъ карловингскихъ, когда въ первый разъ стали издавать первые сборники поученій для церковнаго употребленія, и съ тѣхъ поръ укоренилось и вошло въ обычай. Проповѣди *de tempore*—это проповѣди на годовой кругъ воскресныхъ и праздничныхъ дней: большею частію отдѣлъ этотъ открывается проповѣдями на Рождество Христово или на недѣли, предшествующія этому празднику, но связанныя съ нимъ, какъ пригото-

¹⁾ См. II *Serm.* и сравн. *Homil.* II и III. См. *Serm.* XV, XCVII, XCVIII, CXIII, CXIV.

ніе къ нему, и потомъ идетъ въ порядкѣ годовыхъ временъ до той точки, откуда выходить; но здѣсь могутъ быть и пропуски, и рядъ проповѣдей можетъ быть не доведенъ, и далеко, до своего исходнаго начала въ годовомъ кругѣ. У св. Максима туринскаго и въ отдѣлѣ бесѣдъ и въ отдѣлѣ рѣчей конечныя проповѣди относятся къ празднику Пятидесятницы: бесѣдъ его *de tempore* въ послѣднемъ изданіи ихъ 63, а рѣчей 53, всего 116. Проповѣди *de sanctis* вмѣщаютъ въ себѣ рѣчи на дни святыхъ, и большею частію бываютъ историческаго и панегирическаго характера: проповѣдей на дни святыхъ у Максима 57. Проповѣди *de diversis* включаютъ въ себѣ поученія, не подходящія подъ первые два отдѣла: сюда причисляются обыкновенно проповѣди, сказанныя по вызову какихъ либо особенныхъ обстоятельствъ, также проповѣди, о которыхъ неизвѣстно, когда, въ какой день онѣ были сказаны. Самое заглавіе *de diversis* показываетъ, что содержаніе поученій, входящихъ въ отдѣлъ этотъ, самаго разнообразнаго характера. Въ этомъ отдѣлѣ чаще всего могутъ попадаться поученія, интересныя для историка по своимъ отношеніямъ къ обстоятельствамъ времени проповѣдника. Въ обширныхъ собраніяхъ проповѣдей отдѣлы *de tempore* и *de sanctis* подраздѣляются еще на *homiliae hiemales de tempore* и *de sanctis*, и на *homiliae aestivae* или *aestivales*. Въ изданіи проповѣдей Максима это подраздѣленіе сдѣлано только по отношенію къ бесѣдамъ (*homiliae*) *de tempore*. Первый классъ (*homiliae hiemales*) обнимаетъ проповѣди, сказанныя отъ Рождества Христова до Пасхи, второй (*aestivae*)—проповѣди, начинающіяся поученіями на Пасху и идущія чрезъ дальнѣйшій рядъ лѣтнихъ праздниковъ.

V. Приступая къ разбору внутренняго содержанія проповѣди св. Максима туринскаго, мы не намѣрены останавливать

вниманіе читателей на тѣхъ общихъ предметахъ назиданія, какими часто занималъ онъ своихъ слушателей, во имя требованій вѣры и нравственности христіанской. Его мягкая поучительная рѣчь, возбуждающая къ милосердію или воздержанію, или указующая смыслъ праздниковъ христіанскихъ и предлагающая сообразныя съ нимъ нравоученія, или прославляющая мучениковъ и святыхъ, при нѣкоторой оригинальности тона и склада, при высотѣ и силѣ пастырскаго духа, могла бы затеряться или сдѣлаться незамѣтною для насъ, во множествѣ сильныхъ голосовъ, служившихъ церковному назиданію съ церковной кафедрой и дошедшихъ до насъ въ письмени. Прекрасно говоритъ онъ нашему сердцу и христіанскому благочестію; краткость, практичность и примѣнительность къ обстоятельствамъ его слова дѣлаютъ его образцовымъ для людей, призванныхъ руководить душами общества на пути спасенія. Изъ множества этихъ практичныхъ и искреннихъ бесѣдъ для насъ, отдаленныхъ потомковъ, выдаются тѣ, въ которыхъ видѣнъ особенный характеръ того времени, и въ которыхъ блистательнѣе представляется для насъ образъ замѣчательнаго пастыря-проповѣдника.

Проповѣдь св. Максима нѣсколькими жизненными чертами оживляетъ предъ нами духъ его паствы, со всѣми ея стремленіями, страхами и надеждами, съ ея бѣднымъ образованіемъ и съ ея нравственными склонностями и пороками. Есть въ ней три, четыре выдающіеся пункта, на которыхъ церковное слово является монументомъ прошедшихъ судебъ народа. Недостатки и потрясенія вѣка вызвали чуткую душу учителя къ сердечной бесѣдѣ, въ которой историкъ уловляетъ знаменательную исповѣдь далекаго времени, а читатель дѣятелей христіанскаго слова видитъ дѣйственную просвѣтительную и ободрительную силу церковной проповѣди. Эта исповѣдь рассказываетъ о внутреннемъ состояніи италіянскаго

общества V вѣка, и довольно подробно передать намъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія производили на сердца потомковъ древняго Рима оцущощительныя нападенія варваровъ, громившихъ умирающую монархію.

Вотъ предъ нами проповѣди, направленные противъ разныхъ видовъ суевѣрія. Эти суевѣрія рождались или отъ недостатка умственного развитія общества, или отъ привычекъ и воззрѣній, нажитыхъ еще въ язычествѣ и мирившихся съ новыми христіанскими обычаями, вводимыми церковію.

Противъ перваго вида суевѣрія направлены два слова о затмѣніи луны ¹⁾. Общество V вѣка, въ большинствѣ своихъ членовъ, не понимало законовъ движенія планетъ. Явленія въ родѣ затмѣнія луны, или солнца ему казались случайнымъ замѣшательствомъ въ ходѣ міра, произведеннымъ недоброжелательною дѣй, человѣка волею невидимыхъ силъ. Оно съ ужасомъ смотрѣло на нихъ, ждало отъ нихъ несчастій и бѣдъ себѣ и міру, и въ испугѣ отчаянія обращалось къ разнымъ средствамъ, чтобы возстановить по видимому нарушенный порядокъ природы, помочь ей въ ея страданіяхъ, и достигнуть успокоенія своего встревоженнаго духа. Народъ выходилъ на улицу изъ домовъ своихъ, и громкими криками, маханіемъ своихъ шляпъ, напряженными тѣлодвиженіями хотѣлъ облегчить естественное, кажущееся ему, страданіе луны. Наивное, дѣтское разсужденіе! И отъ этого разсужденія смѣшныя неразумныя дѣйствія!—Что же дѣлаетъ пастырь, при видѣ такой слѣпоты своего народа? Онъ не оставляетъ безъ вниманія его страннаго поведенія и разсужденія. Своимъ яснымъ взоромъ онъ видитъ всю безлѣпицу его страховъ и надеждъ. Отеческая любовь его къ паствѣ побудила его вразумить невѣжество, поднять его изъ той тмы, въ какой оно вращалось: христіанская любовь сочеталась здѣсь съ свѣтомъ

¹⁾ Hom. С и СІ. Cursus compl. Patrologiæ p. 485—490.

знанія, не многимъ доступнаго въ то время,—и плодомъ этого явились умныя и сердечныя бесѣды Максима. На низкой степені сознанія стояли предъ нимъ его слушатели, и чтобы поднять ихъ до своего уровня, въ задушевной рѣчи учитель употребляетъ не только слово убѣжденія и доказательства, но и пронию, остроты и т. п. Но вотъ самыя бесѣды: онѣ такъ кратки и занимательны, что ими не поскучаютъ наши читатели. Мы приводимъ ихъ сполна: въ нихъ не только трактуются о дѣлѣ насъ интересующемъ, но и отражается вся личность Максима, съ его гомилетическими приѣмами, съ его теплымъ, задушевымъ и умнымъ словомъ.

«И сами видите, братіе, что мое смиреніе не перестаетъ со всевозможною заботливостію трудиться для васъ, и всѣми находящимися у меня средствами исправлять васъ; но чѣмъ болѣе я тружусь съ вами, тѣмъ болѣе смущаюсь о васъ. Ибо когда я вижу, что нѣтъ никакого успѣха въ васъ отъ столькихъ моихъ увѣщаній, то трудъ мой обращается для меня не въ радость, а въ стыдъ. Ибо говоритъ апостолъ: *кто насаждаетъ виноградъ и отъ плода его не ястъ? Или кто пасетъ стада и отъ млека стада не ястъ?* (Кор. IX, 7). Вотъ я пасу стадо Христово, и не могу исторгнуть плода стада, пасу стадо Господне, и не получаю отъ него никакой пищи благочестія. Ибо меня не радуетъ никакая сладость вѣры его; но все, что ни производитъ оно, горько и кисло; пастырь христіанскаго стада тогда подкрѣпляется молокомъ его, когда услаждается чистотою добрыхъ дѣлъ его. А отъ васъ, братіе, кому легко снести (я не говорю о всѣхъ; ибо между вами есть такіе, которыхъ вы должны имѣть образцомъ благочестія), кому, скажу, не досадно, когда вы такъ забываете о своемъ спасеніи, что грѣшите еще на-показъ небу? Ибо, когда за нѣсколько дней я укорялъ васъ за скупость и любостыжаніе, въ тотъ самый день вечеромъ поднялся такой

крикъ народа, что нечестіе его проникло до неба. Когда я спрашивалъ, что значить этотъ вопль, мнѣ сказали, что вашъ крикъ вызванъ желаніемъ помочь изнемогающей лунѣ, и что ваши вопли хотятъ пособить ей, при ея ослабленіи. Не мало смѣялся я и удивлялся тому неразумію, что вы, какъ набожные христіане, являлись съ помощію къ Богу. Ибо вы кричали въ томъ разсѣтѣ, чтобъ не погибла стихія, въ случаѣ вашего молчанія: какъ будто такъ слабъ и немощенъ Богъ, что не могъ бы охранить свѣтилъ, Имъ созданныхъ, еслибъ не было помощи отъ вашего крика. Итакъ хорошо, вы дѣлаете, что предлагаете Божеству помощь для того, чтобы при вашей помощи оно могло управлять небомъ. Но если вы хотите дѣлать это полнѣе, вы должны проводить безъ сна всѣ ночи вообще и каждую порознь... Но сколько разъ луна теряла силу (какъ вы полагаете) въ то время какъ вы спали, и между тѣмъ не упала съ неба? И вечеромъ ли только она терпитъ ослабленіе свѣта? Не затмѣвается ли она иногда и подъ утро? А у васъ она привыкла изнемогать только въ вечернее время, когда чрево отягчено обильнымъ ужиномъ, когда голова возмущена неумѣреннымъ питьемъ. Тогда у васъ изнемогаетъ отъ усилій и луна, когда дѣйствуетъ и вино; тогда, говорю, у васъ силою чародѣйства затемняется кругъ луны, когда отъ чапъ затемняются и глаза. Итакъ какимъ образомъ ты, пьяный, можешь видѣть, что дѣлается вокругъ луны на небѣ, когда ты не видишь, что дѣлается около тебя на землѣ? То ясно, что говоритъ Соломонъ: *безумный, яко луна измѣняется* (Прем. Сол. XVII). И ты измѣняешься какъ луна, когда безумецъ и не понимаешь ея движенія, и если при этомъ носишь званіе христіанина, то начинаешь быть нечестивымъ. Ибо наносится поруганіе Творцу, когда слабость приписывается творенію. Итакъ ты измѣняешься, какъ луна, потому что за нѣсколько времени назадъ блистала святынею вѣры, а послѣ

затмился темнотою суетвѣрія; ты измѣняешься, какъ луна, когда голова твоя также истощается мудростію, какъ луна оскудѣваетъ свѣтомъ; и тебя постигаетъ самая ярая тма мысли. Но она опять скоро возвращается къ своей полнотѣ; а ты и поздно не обращаешься къ мудрости; она скоро собираетъ опять свѣтъ, который утерала, а ты и поздно не восстанавлишь вѣры, которой отвергся. Итакъ переменна твоя значительнѣе перемены луны; луна претерпѣваетъ недостатокъ свѣта, а ты лишаешься спасенія. Какъ хорошо написано о мудромъ: *и пребудетъ съ солнцемъ* (Псал. LXXI): ибо мудрый пребываетъ съ солнцемъ, когда постоянствомъ вѣры пребываетъ съ Спасителемъ. Но скажетъ кто нибудь: ужели-жъ луна не изнемогаетъ? Изнемогаетъ конечно, мы не можемъ отрицать; но изнемогаетъ вмѣстѣ съ прочими тварями, какъ говоритъ апостолъ: *вся тварь (съ нами) совоздыхаетъ и сболтзнуетъ даже до нынѣ* (Римл. VIII, 22), и выше: *и сама тварь освободится отъ работы истлѣнія* (— 21) и прочее. *Освободится* (сказалъ) *отъ работы*; итакъ видишь, что луна не работаетъ чародѣйству, но работаетъ повиновенію, не работаетъ опасностямъ, но работаетъ обязанностямъ, не работаетъ для того, чтобы погибнуть, но работаетъ для того, чтобы служить. *Суетъ бо тварь повинуюся не волю* (Римл. VIII, 20) и проч.. Итакъ луна не произвольно измѣняется въ своемъ состояніи, а ты произвольно измѣняешься въ своемъ сознаніи; она своимъ состояніемъ приводится къ уменьшенію своему, а ты волею влечешься къ урону своего благополучія. Я не хочу, чтобы ты, братъ мой, былъ такой, какъ луна, когда она терпитъ ущербъ или затмѣніе, но будь какъ луна, когда она полна и совершенна; ибо написано о праведномъ: *яко луна совершена въ вѣкъ, и свидѣтель на небеси вѣренъ* (Псал. LXXXVIII, 38)¹⁾.

¹⁾ Ном. С. Patrologiæ cursus completus, t. LVII, p. 483—6.

Мы передали полный текстъ проповѣди Максима, желая дать понятіе о тонѣ и характерѣ его пастырскихъ бесѣдъ. Вы видите изъ нея всю степень легковѣрія или суевѣрія туринаскаго общества V вѣка, и вы видите, какъ возвышается надъ нею просвѣщенный и заботливый пастырь. Онъ даетъ строгій и рѣзкій выговоръ своей паствѣ, съ которою привыкъ бесѣдовать въ каждое воскресное и праздничное богослуженіе, за ея неразумное увлеченіе при видѣ хотя не частаго, но естественнаго явленія природы. Кратко, не многословно было его поученіе, но оно довольно сильно должно было потрясти виновныхъ и суевѣрныхъ души, безъ разсужденія задумавшія облегчить своими криками и воплями усиленную до изнеможенія, по ихъ возврѣнію, работу видимой нами планеты. Но проповѣдникъ не довольствуется одновременнымъ, хотя и сильнымъ, впечатлѣніемъ: онъ хочетъ, чтобы оно перешло въ жизнь, сдѣлалось началомъ постояннаго, болѣе свѣтлаго состоянія души. Съ этою цѣлію чрезъ нѣсколько дней онъ снова возвращается къ этому предмету, и снова начинаетъ раскрывать порядокъ природы, уже болѣе спокойнымъ наставительнымъ тономъ. «За нѣсколько дней (начинаетъ онъ), братіе, мы говорили противъ тѣхъ, которые думали, что луну можно свести съ неба заклинательными стихами волхвовъ, и мы опровергли заблужденіе тѣхъ, которые терпятъ затмѣніе духа не менѣе, чѣмъ сколько претерпѣваетъ лишеніе свѣта луна. Ихъ мы увѣщавали, чтобы они, оставивши языческое заблужденіе, также скоро возвратились къ мудрости, какъ скоро она обращается къ своей полнотѣ, и чтобы также скоро они возстановили вѣру, которую отвергли, какъ скоро она собираетъ свѣтъ, который потеряла, и отложивши облако неразумія, начали цѣнить свѣтъ уже не глазами тѣла, но окомъ души, и чтобы уразумѣли, что явленіе и затмѣніе луны зависятъ отъ естественныхъ причинъ, а не отъ слабости, и что

эти естественныя причины, дающія перемѣну вещамъ, зависятъ отъ Творца, устроившаго порядокъ міра. Вотъ напримеръ стихія морская, во время ущерба луны, удаляется и возвращается въ себя, а при ея возрастаніи умножается или разливается... и сколько разъ луна измѣняется въ свѣтъ, столько разъ и море измѣняется въ своихъ волнахъ. Говорятъ наконецъ, что сами плавающіе въ моряхъ бываютъ полнѣе въ плоти своей во время полнолунія, и тонѣе и меньше во время ея ущерба. Итакъ велико значеніе луны, и велико ея превосходство, что она своею силою такъ уменьшаетъ стихіи, чтобы опять восполнить ихъ, и такъ наполняетъ ихъ, чтобы потомъ уменьшить. То-есть, ея перемѣна связана съ различными нѣкоторыми перемѣнами. Всѣмъ извѣстно, какъ и на землѣ (отъ ея вліянія) умножается жизненная сила, какою живительною росой она возстановляетъ растенія, изсушенныя зноемъ солнца; томящимся отъ зноя вещамъ она доставляетъ влагу своею ясностію. При свѣтъ луны, совершенно новымъ образомъ, ясность дѣлаетъ землю влажною. Итакъ велико значеніе луны, и притомъ еще великая тайна. Она источается свѣтомъ, чтобы оживить все влагою и дождемъ. Такъ и Христосъ Господь источилъ свое Божество, чтобы людей исполнить безсмертія»¹⁾ Дальше начинается аллегорическое толкованіе или приложеніе естественнаго предмета, бывшаго доселѣ содержаніемъ рѣчи, и сначала Спаситель сравнивается съ луною, а потомъ, вспомнивши, что Спаситель называется солнцемъ правды и сравнивается съ солнцемъ, а не съ луною, проповѣдникъ видоизмѣняетъ свое толкованіе, и указавши на родство свѣтилъ, говорить, что «если справедливе Христа Господа сравнить съ солнцемъ, то мы сравнимъ съ луною церковь», и за тѣмъ дѣлаются сближенія между из-

¹⁾ Hom. CI. Patr. c. compl. T. LVII, p. 487—8.

мѣненіями и дѣйствіями луны и между измѣненіями и дѣйствіями, замѣчаемыми въ жизни и исторіи церкви.

VI. Сейчасъ описанное нами суетвѣріе, вызвавшее противъ себя укорительное слово Максима, конечно, свидѣтельствовало о низкомъ уровнѣ умственно-правственного состоянія его паствы. Но въ жизни оно само въ себѣ еще не сопровождалось широкими гибельными слѣдствіями, хотя при внутренней гармоніи, связывающей въ едино всѣ частности дѣйствій человѣческихъ, одно пристрастіе влечетъ за собою многія другія, соотвѣтственные ему по формѣ и направленію. Вокругъ Максима туринскаго совершались другія болѣе вредныя и нечистыя дѣла, возникавшія изъ началъ тогдашней общественной жизни, еще мало проникнутыхъ духомъ христіанства. Таковы были напримѣръ разные языческіе обряды, съ какими праздновали и въ христіанствѣ такъ называемыя январскія календы. У язычниковъ въ это время соединялись многія торжества, сопровождавшіяся играми, увеселеніями, гаданіями, переряживаніями и т. под. Обычай, выросшій изъ торжественной встрѣчи этихъ календъ, такъ глубоко проникли въ народъ, что и по принятіи христіанства онъ не разстался съ ними. Многіе вліятельные проповѣдники, какъ на востокѣ (напримѣръ Златоустъ, Астерій), такъ и на западѣ (блж. Августинъ) хотѣли вырвать съ корнемъ языческую закваску, но она не уступала дѣйствіямъ просвѣтительнаго христіанскаго слова. Максимъ туринскій видѣлъ въ своей паствѣ въ полномъ разгарѣ языческое веселіе, и оно тѣмъ болѣе сокрушало его, что въ эти дни церковь праздновала и воспоминала дни Рождества и Богоявленія Господня, но мирное христіанское празднество заслонялось шумомъ праздниковъ языческихъ, и христіане какъ будто на эти дни забывали священное званіе христіанъ и, подобно израильтянамъ по исходѣ изъ

Египта, всею душою влеклись къ соблазнявшимъ ихъ мясамъ египетскимъ. И вотъ отъ практическаго проповѣдника дошло до насъ не одно слово, въ которомъ онъ борется противъ застарѣлой язвы, растлѣвавшей чистоту христіанскихъ нравовъ. И если вы хотите знать, какъ проводили дни, совпадающіе съ нашими святками, въ древней Италіи, читайте Максима,—его проповѣди оживятъ предъ вами старые обычаи, впрочемъ при всей своей давности очень напоминающіе нашу суевѣрную святочную жизнь. Только тамъ яснѣе источникъ многого, что нынѣ хотя живетъ, но уже утеряло память своего происхожденія.

«У меня противъ многихъ изъ васъ (говоритъ Максимъ) жалоба не малая; говорю о тѣхъ, которые, прославляя съ нами день Рождества Христова, предались въ то же время празднествамъ языческимъ, и послѣ того небеснаго пиршества приготовили себѣ пиршество суевѣрія: обрадованные прежде святостію, они упоили себя послѣ суетою заблужденія, не зная того, что кто хочетъ царствовать со Христомъ, не можетъ радоваться съ міромъ, и кто хочетъ искать правды, тотъ долженъ удалиться роскоши... Кто хочетъ быть участникомъ божественнаго, тотъ не долженъ быть союзникомъ идоловъ. Ибо идоловъ часть—упоевать умъ виномъ, чрево отягчать пищею, члены мучить пляскою, и такъ предаваться нечестивымъ дѣйствіямъ, что подумаешь о тебѣ, что ты не знаешь, что есть Богъ. Это провидя, св. апостолъ говоритъ: *кое причастіе правды ко беззаконію? Или кое общеніе свѣту ко тмѣ?.. Или кая часть отрну съ нечестивымъ? Или кое сложеніе церкви Божіей со идолами* (2 Кор. VI, 14. 15)? Итакъ, если мы храмъ Божій, для чего въ храмѣ Божіемъ допускается веселое служеніе идоламъ? Для чего пирь, пьянство и срамныя игры тамъ, гдѣ живетъ Христосъ, который есть воздержаніе, умѣренность, чистота? Спаситель говоритъ: *никтоже можетъ*

дѣла господина работати, то есть, Богу и мамонѣ (Матѣ. VI, 24). Какъ же вы можете благочестиво провести Богоявленіе Господне, когда со всевозможнымъ усердіемъ празднуете календы Януса? Янусъ былъ человѣкъ, основатель одного города, который называется Яникулюмъ; въ честь его учреждены язычниками календы январскія. Отсюда кто чтить календы январскія, тотъ грѣшитъ, потому что человѣку умершему приносить честь Божества. Къ этому можно приложить слово апостола: *дни смотрите, и мѣсяцы и времена и лѣта. Боятся о васъ, еда како все трудится въ васъ* (Гал. IV, 10. 11). Ибо наблюдалъ день и мѣсяцъ тотъ, кто въ эти дни или не постился или не ходилъ въ церковь. Наблюдалъ день, кто вчера не пришелъ въ церковь, но пошелъ на поле. Итакъ, братіе, всячески будемъ уклоняться отъ увеселеній и празднествъ язычниковъ: когда они пируютъ и веселятся, мы будемъ трезвиться и поститься, изъ чего они уразумѣютъ, что ихъ веселіе осуждается нашимъ воздержаніемъ¹⁾.

Здѣсь вы видите общее указаніе на поведеніе христіанъ въ дни, въ которые церковь праздновала явленіе на землѣ Господа и Спасителя нашего, а язычники—календы январскія. У язычниковъ въ это время были пиры и веселье; для этого веселья они выходили въ поле, и тамъ предавались разгулу. Этимъ увлекались и христіане,—и они ходили на поле и для этого пренебрегали даже зовомъ церковнымъ, и званіе христіанъ порочили языческимъ невоздержаніемъ. Но веселіе язычниковъ было извинительнѣе веселія христіанъ: тѣ чтили своего бога, хотя мнимаго, а у христіанъ были свои праздники, своя вѣра и свой истинный Богъ, и все это они мѣняли на суету язычества и его религіозно-общественныхъ обычаевъ.

Въ другихъ словахъ св. Максима подробнѣе изображается поведеніе христіанъ во дни календъ январскихъ. Въ 16-й бе-

¹⁾ Serm. VI, pag. 643—4.

сѣдѣ напрімѣръ высказываетъ онъ сначала ту мысль, какаѧ у него проходить и въ упомянутой нами рѣчи, что душѣ вѣрующей, желающей сообщества ангеловъ, не прилично предаваться играмъ демонскимъ, и что тому, кто представляетъ изъ себя храмъ Божій или желаетъ быть имъ, нуженъ всячески остерегаться того, чтобы не сдѣлаться обиталищемъ тмы или демона. И потому онъ совѣтуетъ избѣгать тѣхъ мірскихъ безумствъ и нечестій, какія дѣются въ дни календъ январскихъ у язычниковъ. Какія же это безумства и нечестія? Это не однѣ забавы, но и переряживанія, гаданія. «Не пустота ли и не безуміе ли все, что въ эти дни совершается служителями демоновъ, когда мужчина, скрывши крѣпость своихъ силъ, всего себя превращаетъ въ женщину, и такъ старается выдерживать принятый видъ и въ походкѣ и во всемъ поведеніи, что какъ будто ему жаль, что онъ мужчина? Не пустота ли и не безуміе ли, когда созданные Богомъ людьми превращаютъ себя то въ скотовъ, то въ дикихъ звѣрей, то въ какія либо чудовища? Не превосходитъ ли всякое безуміе, когда красоту лица челоуѣческаго, образованную со всею лѣпотою руками самого Бога, обезображиваютъ всякими нечистотами и мерзостями? Отяжелѣло и всякимъ нечестіемъ подавлено сердце тѣхъ, которые, святотатственными играми посмѣваясь надъ божественными увѣщаніями, и любятъ суетное и слѣдуютъ ложному, и послѣ всего, въ дополненіе оскорбленія, зовутъ дни эти новымъ годомъ. Впрочемъ по себѣ они не неприлично зовутъ эти дни новымъ годомъ; потому что при непристойныхъ празднествахъ они возобновляютъ вмѣсто честности мерзость и развращеніе. Они называютъ это новымъ годомъ, какъ будто что нибудь новое показываетъ теперь или земля или небо. Новымъ годомъ они называютъ январскія календы, а сами коснѣютъ всегда въ нечистотѣ старыхъ заблужденій. Еще неразумные собираютъ предзнаменованія, и опредѣляя

состояніе своей жизни пустыми знаками, хотятъ узнать будущее наступающаго года по какимъ-то знаменіямъ птицъ и звѣрей, между тѣмъ какъ у одного Бога знаніе будущаго, и законъ запрещаетъ это, говоря: *да не навикнеша творити по мерзостемъ языковъ: да не обрѣщется въ тебѣ... волхвуя волхвованіемъ, и чаруя и птицеволюществуя,.. утробоволхвуя и знаменосмотрителъ и вопрошаѣй мертвыхъ* (Втор. XVIII, 10. 11). Но бѣдные и достойные сожалѣнія люди, увлеченные заблужденіями язычниковъ и ослѣпленные неразумнымъ сердцемъ, съ нечестіемъ выходятъ изъ домовъ своихъ, и съ нечестіемъ возвращаются. Или какимъ образомъ думаетъ быть или называться христіаниномъ тотъ, кто въ такомъ наблюденіи предзнаменованій видитъ себя соучастникомъ съ невѣрными¹⁾?

Третье слово²⁾ о календахъ язычниковъ еще болѣе переноситъ насъ въ древній міръ, и указываетъ намъ нѣсколько характерныхъ обычаевъ, соединенныхъ съ этимъ празднествомъ. Слово начинается благодареніемъ Провидѣнію Божію, которое такъ расположило обстоятельства, чтобы Христосъ Господь родился среди самыхъ празднествъ языческихъ, и чтобы блескъ истиннаго свѣта просіялъ среди самыхъ темныхъ суевѣрій заблужденія, и это для того, чтобы люди, видя среди различныхъ суевѣрій сіяніе правды чистаго Божества, забывали прошедшія нечестія и не чтили будущихъ. Проповѣдникъ подъ этими празднествами языческими разумѣетъ сатурналіи, предшествовавшія календамъ январскимъ, начинавшіяся около 17 или 20 декабря и продолжавшіяся нѣсколько дней. Потому и говорятъ онъ: «какой разумный человѣкъ, чтущій таинство Рождества Господня, не осудитъ нѣпнства сатурналій, не уклонится отъ безпутствъ календскихъ? Кто,

¹⁾ Homilia XVI, p. 255—8. Cursus completus patrologiac.

²⁾ Homil. СШ, p. 491—4.

желающій имѣть часть со Христомъ, захочетъ быть соучастникомъ міра? Значить, разные веселые обычаи, видные въ жизни во время нашихъ святокъ, и для Максима въ пятомъ вѣѣ казались чѣмъ-то давнимъ, существовавшимъ еще до явленія во плоти Господа и Спасителя нашего. Но это давнее не поддавалось дѣйствию времени и новаго просвѣтительнаго христіанскаго начала, и въ пятомъ вѣѣ изъ христіанъ очень многіе подчинились застарѣлой привычѣ и день календі считали самымъ веселымъ днемъ, самымъ большимъ праздникомъ. Въ чемъ же выражалась эта веселость? Первѣе всего въ разгулѣ, въ пьянствѣ и неумѣренныхъ пиршествахъ, и это было какъ будто закономъ для всѣхъ, такъ что «въ этотъ день напивался и осквернялся и тотъ, кто цѣлый годъ хранилъ воздержаніе и умѣренность, и если бы кто не дѣлалъ такъ, то думалъ бы, что онъ потерялъ праздники; а того не представляеть, что такими увеселеніями онъ потерялъ спасеніе». Другая принадлежность этихъ дней—общіе визиты и представленія, и при этихъ поздравленіяхъ было въ обычай приносить подарки; эти подарки обыкновенно приносили низшіе вышнимъ, бѣдные богатымъ, вообще покровительствуемымъ своимъ покровителямъ. Максиму очень не нравится этотъ обычай, и онъ въ бесѣдѣ спрашиваетъ своихъ слушателей: «а каково то, что, вставая рано, каждый выходитъ (изъ дому) съ подаркомъ, и желая поздравить друзей, поздравляетъ ихъ прежде подаркомъ, потомъ поцѣлуемъ! Онъ простираетъ уста къ устамъ и рукою жметъ руку не для того, чтобы выразить любовь, но чтобы удовлетворить корысти, и въ одно и то же время онъ и обнимаетъ друга и обманывается. Посудите вы, каковъ это поцѣлуй, когда онъ продажный: ибо чѣмъ дороже онъ покупается, тѣмъ дешевле цѣнится. Сколь многіе прежде представленія золота сочтутся недостойными поцѣлуя вельможъ! Но какъ скоро блеснуло въ рукѣ золото, ихъ дѣлаеть

достойными (поцѣлул) добыча, а не пріязнь. И въ самой несправедливости какъ несправедливо еще то, что обыкновенно ожидается, что низшій долженъ дарить высшему, и богатому принужденъ дарить тотъ, кто, можетъ быть, долженъ занимать, чтобы подарить... Бѣдный, говорю, вынужденъ давать то, чего не имѣетъ, и приносить даръ, изъ-за котораго онъ подвергается лишеніямъ дѣтей своихъ. И богатые бываютъ щедры на этотъ даръ.. Но богатый щедрится только для другаго богатаго, и въ то время, какъ нищему онъ не хочетъ дать динаріе, въ календы спѣшить къ дому друга нагруженный золотомъ тотъ, кто въ рождество Господа приходитъ въ церковь съ пустыми руками. Итакъ видишь, что у очень многихъ больше значить настоящее ласкательство, чѣмъ будущее вознагражденіе. Поцѣлуя вельможи больше желаютъ, чѣмъ славы Спасителя. Но этотъ поцѣлуй не нужно и называть поцѣлуемъ, потому, что онъ продажный. Ибо и Іуда Искаріотскій такимъ поцѣлуемъ лобызалъ Господа, но этимъ самымъ онъ старался предать Его».

Есть подробности наконецъ касательно обрядовъ, съ какими сопряжено было гаданіе, пріуроченное къ календамъ. По прошествіи дня, проведеннаго въ визитахъ, разгулѣ и пиршествахъ, люди выходили изъ домовъ за городъ или селеніе, и тамъ подмѣчали знаменательныя указанія будущихъ событій. Послѣ гаданій, въ ознаменованіе будущаго счастья и изобилія, они возвращались домой не съ пустыми руками, а большею частію несли въ рукахъ вѣтви деревь, иногда что нибудь другое. Часто, для счастливаго начала будущаго года, вмѣсто дома веселою компаніею приходили въ гостинницу, и тамъ вечернимъ пиршествомъ заключали безпокойный день. «А это каково (перечисляя разныя безумства календныхъ празднествъ, говоритъ Максимъ), что по прошествіи дня, послѣ такого пустаго начала, какъ бы начиная только жить,

они собирають предзнаменованія и все испытываютъ, и отсюда гадаютъ о счастіи или несчастіи для себя будущаго года? Сколько это глупо и смѣшно, столько и имъ самимъ бесполезно или прямо вредно. Ибо счастія они не получаютъ, когда обманываются предзнаменованіями, а всегда получаютъ печаль, когда, припоминая все, беспокоятся, какъ бы съ ними не случилось то или другое. И сіе присоединяють къ своимъ безумствамъ, что возвращаясь домой, съ гаданія, несутъ въ рукахъ вѣточки какъ бы въ знакъ успѣшнаго и счастливаго предзнаменованія, или съ разными пошамъ возвращаются въ гостинницу: а того не разумѣють бѣдныя, что возвращаются не съ узлами даровъ, но съ кучею грѣховъ*.

VII. Для пастырской ревности святителя туринскаго V вѣка представлялось много другихъ случаевъ, гдѣ онъ могъ и считалъ себя обязаннымъ высказать слово назиданія и обличенія. Если онъ считалъ своею обязанностію преслѣдованіе языческихъ суевѣрій, то остатки и слѣды ихъ онъ могъ находить не въ однихъ обычаяхъ, съ какими соединена была встрѣча новаго года. Онъ старался изгнать суевѣрія изъ сознанія, нравовъ и обычаевъ своего времени. При этомъ, конечно, не могъ не остановить на себѣ его вниманія видимый слѣдъ язычества среди полей и селъ, окружавшихъ главный городъ его епархіи. Въ слѣдствіе болѣзненнаго впечатлѣнія, производимаго на него этимъ видомъ, онъ поднимаетъ слово, чтобы уничтожить слѣды и остатки языческаго суевѣрія не только въ сердцахъ и нравахъ, но и въ поляхъ, и селлахъ; это именно идолы, какихъ было много вездѣ, и даже въ помѣстьяхъ христіанскихъ вельможъ, которые смотрѣли довольно равнодушно на то, чему служатъ и поклоняются живущіе на нихъ крестьяне. Объ уничтоженіи этихъ идольскихъ изображеній былъ изданъ Гоноріемъ особый указъ, по

онъ, конечно, съ-разу не могъ быть выполненъ со всею точностію во всѣхъ частяхъ, селахъ и деревняхъ его имперіи. По обычаю своему, Максимъ въ своихъ бесѣдахъ изображаетъ дѣло довольно наглядно, представляя на видъ вниманію слушателей живой фантъ такъ, какъ онъ есть, и вы узнаете изъ его обличеній не только общій недостатокъ времени, вызвавшій эти обличенія, но и чего частныя, дробныя черты. Вы видите и узнаете изъ нихъ напримѣръ не только то, что взоръ христіанскаго благочестія непріятно поражался на поляхъ и дорогахъ идольскими болванами, но и то, что дѣлали предъ этими идолами ихъ учителя и жрецы, въ какой одеждѣ ходили эти жрецы и т. под.

У Максима три бесѣды (Sermo LXXXII, CI, CII) относятся къ этому виду суевѣрія. Онѣ сказаны людямъ, которые, вступивъ въ христіанство или воспитанные въ церкви, не принимали непосредственнаго участія въ служеніи идоламъ, и, конечно, не чувствовали къ нимъ религіознаго почтенія; въ то же время это были люди богатые, которые, живя въ городѣ, имѣли помѣстья и на нихъ подчиненныхъ себѣ крестьянъ. Сами они, значить, невинны были въ языческомъ суевѣрії. На что же собственно нападаетъ Максимъ въ своихъ обличеніяхъ? И чего требуетъ отъ нихъ во имя благочестія? Онъ не видитъ въ нихъ ревности по христіанской вѣрѣ, когда они снвозь пальцы смотрятъ на веици, совершающіяся на ихъ поляхъ и оскорбительныя для этой ревности. Объ этомъ, какъ видно, были толки и частныя бесѣды съ пастыремъ у землевладѣльцевъ-вельможъ, и проповѣдникъ во всѣхъ трехъ словахъ старается опровергнуть тѣ отговорки и извиненія, какими оправдывали себя позволявшіе стоять въ своихъ помѣстьяхъ идоламъ языческимъ, и съ силою внушаетъ имъ, что они дѣлаются виновными предъ Богомъ и участниками въ нечестіи, когда не запрещають его совершеніе людямъ, имъ близ-

кимъ и подчиненнымъ, и въ мѣстахъ, находящихся въ ихъ владѣніи. Въ первый разъ онъ говорилъ объ этомъ въ рѣчи о мученикахъ Александрѣ, Мартиріѣ и Сисиніѣ.¹⁾ (LXXXIX), которымъ онъ посвятилъ два слова, изъ коихъ одно сказано въ день ихъ кончины, а другое чрезъ нѣсколько дней послѣ того. Говоря объ этихъ мученикахъ и ихъ страданіяхъ, онъ особенно хвалить въ нихъ то, что они противодѣйствовали нечестію, и изъ этого противодѣйствія, вызываемаго религиозною ревностію, во время мира, когда не преслѣдовалъ христіанъ никакой царь, они заслужили мученическій вѣнецъ и побораея суетвѣрія нечестивыхъ, приобрѣли «пальму справедливости». Примѣромъ этихъ святыхъ мучениковъ онъ хочетъ (во второмъ, въ честь ихъ сказанномъ словѣ) пристыдить современныхъ ему христіанъ въ ихъ религиозномъ равнодушіи и пробудить ихъ отъ этого равнодушія. «Братіе, послѣ имѣемъ примѣръ, будемъ подражать святымъ мужамъ, если не мученичествомъ, то исполненіемъ христіанскаго долга.... Если мы, видя нечестіе, молчимъ, и молча сносимъ сго, то дѣлаемъ себя виновными, если не совершеніемъ злодѣянія, то скрытымъ соизволеніемъ на него. Ибо какъ противленіе нечестію оправдываетъ противодѣйствующаго, такъ молчаливое потворство тому, что видишь, обвиняетъ того, кто молчитъ. Но очень многіе достойные сожалѣнія люди имѣютъ обыкновеніе говорить: «не знаю, я не приказывалъ, это не мое дѣло, это меня не касается». Но это говорить, какъ я сказалъ, жалкій или страшливый человѣкъ: онъ говоритъ, что не приказывалъ этого, послѣ того, какъ не хотѣлъ приказать, чтобы этого не было. Ибо зло, совершаемое по привычкѣ, допускается, если не сдерживается. Говорить: это не мое дѣло. Обманываешься и не знаешь: не знаешь, что дѣло Божіе есть

¹⁾ Р. 697—8.

дѣло всѣхъ, и что грѣшить одинъ, то взыскивается на многихъ. Ибо какъ святостію одного освящаются многіе, такъ нечестіемъ одного оскверняются весьма многіе. И зло, которое совершается другимъ, но совершается съ твоего вѣдома, касается тебя, когда твоимъ знаіемъ ограждается. Не знаю, братіе, что это значитъ, что мы такъ слабо исполняемъ заповѣди Божіи, тогда какъ приказанія мірскихъ начальниковъ всѣ заботливо выполняютъ, всѣ съ усердіемъ блюдутъ то, что ими заповѣдано. Богъ заповѣдалъ, и мы спимъ предъ этими заповѣдами. Сколько разъ Богъ заповѣдывалъ разрушать идолы, и мы никогда не хотимъ заботиться объ этомъ дѣлѣ! Всегда потворствовали (нечестію), всегда пренебрегали (своимъ долгомъ). Послѣ насъ побуждалъ къ этому императорскій указъ. Видите, до какого униженія Божества мы дошли, вынудивъ это вмѣшательство человѣческой власти. И какъ судить о насъ, когда для насъ не благочестіе, но страхъ служить побужденіемъ къ религіозной жизни? Правители, какъ добрые христіане, издають законы въ пользу религіи, но исполнители не исполняютъ ихъ надлежащимъ образомъ. И такимъ образомъ, освободивши государя отъ вины, исполнитель на себя самого обращаетъ всю отвѣтственность, между тѣмъ какъ онъ, если бы исполнилъ во всей строгости законъ, и самъ освободился бы отъ грѣха, и имѣлъ бы надежду на вѣчную награду за спасеніе многихъ».

Эти же самыя мысли повторяетъ Максимъ въ 101-й рѣчи; здѣсь онъ меньше входитъ въ препирательства съ тѣми извиненіями, какими оправдывали себя его слушатели, но за то подробнѣе описываетъ то нечестіе, къ борьбѣ съ которымъ призываетъ своихъ пасомыхъ. «За нѣсколько дней (говоритъ здѣсь епископъ туринскій) я убѣждалъ любовь вашу, чтобы вы, какъ люди благочестивые и добродѣтельные, изгнали изъ своихъ владѣній всю скверну идольскую и истребили въ

поляхъ своихъ всякій видъ языческихъ заблужденій. Ибо не прилично вамъ, имѣющимъ Христа въ сердцахъ своихъ, имѣть антихриста въ своихъ жилищахъ; не прилично, чтобы въ то время, какъ вы покланяетесь Богу въ церкви, ваши чтили діавола въ капищахъ. Пусть никто не извиняетъ себя тѣмъ, что я не приказывалъ дѣлать этого, не давалъ повелѣнія. Ибо всякій знаетъ, что нечестіе совершается, и если кто не запрещаетъ ему совершаться, то нѣкоторымъ образомъ самъ приказываетъ; ибо своимъ молчаніемъ, не дѣлая обличенія, онъ даетъ согласіе приносящему нечестивую жертву. Блаженный апостолъ говоритъ, что преступны не только тѣ, которые совершаютъ (преступленіе), но и тѣ, которые соизволяютъ совершающимъ оное. Итакъ, братъ, когда ты видишь, что твой крестьянинъ приносить идольскую жертву, и не запрещася приносить жертву, ты грѣшишь; если не дано тобою позволенія, то оно существуетъ на дѣлѣ; если нѣтъ твоего приказанія въ преступленіи, то есть твое соизволеніе въ грѣхѣ. Ибо когда ты молчишь, тебѣ, значить, нравится то, что сдѣлалъ твой крестьянинъ, и, можетъ быть, онъ не нравился бы тебѣ, если бы не дѣлалъ этого. Не себѣ только грѣшитъ подчиненный, когда служить идоламъ, но и господину, который не запрещаетъ этого; еслибы господинъ запрещалъ это, то подчиненный и не грѣшилъ бы. Итакъ великое зло идолослуженіе; оно оскверняетъ совершающихъ его, оскверняетъ живущихъ тамъ, *идѣ оно совершается*, оскверняетъ видящихъ его; за него отвѣчаютъ его исполнители, отвѣчаютъ ихъ соучастники, отвѣчаютъ и тѣ, которые молчатъ при видѣ этого зла. И господинъ оскверняется, когда его крестьянинъ приносить нечестивую жертву. Онъ не можетъ не оскверниться, когда принимаетъ пищу, надъ которою трудился нечестивый пахарь, которую произвела обогрѣнная кровію земля, которую сохраняла нечистая житница: все тамъ

осквернено, все мерзко, гдѣ діаволь живетъ въ домахъ, поляхъ, крестьянахъ. Тамъ нѣтъ ничего свободнаго отъ преступленія, гдѣ все вращается въ преступленіи. Если ты войдешь въ хижину, ты найдешь въ ней сухой дернъ и погасшія черныя уголья,—достойное жертвоприношеніе демону, когда мѣртвое божество умилоствляютъ мертвыми вещами. И если въ поле ты выйдешь, ты видишь деревянные жертвенники, каменные идолы, оообразное тому служеніе, гдѣ безчувственнымъ богамъ приносятъ пустыя жертвы. Если ты чаще будешь обращаться тамъ среди людей, и увидишь крестьянина, упившагося виномъ до безобразія, ты узнаешь, что это или діанатигъ (приносящій жертву Діанѣ, богинѣ полей), или прорицатель (предсказывающій будущее по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ); ибо безумное божество обыкновенно имѣетъ и безумнаго первосвященника; такой священникъ виномъ приготавлиетъ себя къ бичеваніямъ въ честь своей богини, чтобы пьяному не чувствовать своего наказанія. И это они дѣлаютъ не по невоздержанію, но нарочито изъ искусства, чтобы меньше при упоеніи чувствовать боль своихъ ранъ, *какія они наносятъ себѣ бичеваніемъ въ честь богини*. Поистинѣ безуменъ тотъ жрецъ, который жестокостію хочетъ замѣнить благочестіе. Сколько же къ чужимъ сострадателемъ тотъ, который такъ жестокъ въ своихъ первосвященникахъ! Опишемъ еще хотя кратко наружность такого жреца: у него косматая, покрытая поддѣльными волосами голова, голая грудь, голени, полуопоясанныя эпанчею, и по обычаю гладіаторовъ, какъ бы готовясь на битву, онъ несетъ въ рукахъ мечъ; кромѣ того онъ хуже и гладіатора; потому что этотъ вызывается биться съ другимъ, а онъ самъ старается бичевать себя самого; тотъ ищетъ чужія тѣла (чтобы нанести удары), а этотъ самъ терзаетъ свои собственные члены, и, если можно такъ выразиться, къ жестокости его поощряетъ особенный

учитель гладіаторовъ, само божество. Судите же, на кого похожъ больше этотъ человѣкъ, въ такой одеждѣ, окровавленный отъ этого самосѣченія,—на гладіатора или на священника! Итакъ, какъ публичное гнусное занятіе гладіаторовъ уничтожено религіознымъ благочестіемъ царей, такъ и эти безумные гладіаторы бдительностію христіанъ должны быть изгнаны изъ ихъ владѣній» ¹⁾.

Увѣщанія пастыря имѣли успѣхъ и сопровождались желанными слѣдствіями. Люди какъ бы устыдились своего религіознаго равнодушія, когда искреннее слово благочестиваго пастыря на нихъ возложило отвѣтственность за тѣ свято-татственные безчинія, какія, по ихъ невнимательности къ дѣлу христіанства, безбоязненно совершались въ ихъ владѣніяхъ и помѣстьяхъ людьми, привязанными къ идоламъ и къ нечестивому служенію имъ. Они приняли къ сердцу то замѣчаніе что и они, живя въ городѣ, дѣлаются участниками въ нечестіяхъ, совершаемыхъ въ ихъ владѣніяхъ подчиненными имъ крестьянами, когда знаютъ о нихъ и не запрещаютъ ихъ. И вотъ они рѣшаются очистить свои помѣстья и села отъ идольскихъ изображеній и возбранить тамъ открытое совершеніе языческихъ жертвоприношеній. Это рѣшеніе принято было тотчасъ же послѣ второй проповѣди, нами только что переданной во всей ея полнотѣ. На это рѣшеніе намекаетъ Максимъ въ проповѣди ²⁾, сказанной въ воскресенье черезъ недѣлю послѣ того, какъ произнесена та проповѣдь. Онъ выражаетъ увѣренность, что проповѣдью прошлаго воскресенья принесъ имъ не малую пользу, побудивъ ихъ очистить сердца свои отъ всякой идольской скверны. «Ибо тотъ уже не имѣетъ оскверненной совѣсти, кто не терпитъ, чтобы въ

¹⁾ Patrol. cursus completus, p. 733—4.

²⁾ Sermo CII, p. 733—4.

его владѣніяхъ совершались нечестія... И мы думаемъ, что не мало помогли вамъ, когда уже запрещается служеніе нечестія въ вашихъ владѣніяхъ». Онъ хочетъ утвердить въ своей паствѣ это рѣшеніе, и потому повторяетъ прежнюю мысль о томъ, что оскверненіе, причиняемое нечестивою жертвою поселянина, переходитъ къ его господину, хотя бы онъ самъ большею частію жилъ въ городѣ, и внушаетъ богатымъ людямъ, чтобы они старались соблюдать духовную чистоту въ своихъ помѣстьяхъ. «Мы говоримъ (замѣчаетъ онъ), что чистое владѣніе—принадлежность какъ челоуѣка-христіанина такъ и чистаго мужа. Соломонъ говоритъ: *драгоцѣнное владѣніе мужъ чистый*. Итакъ если мужъ чистый сравнивается съ драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ, то во сколько цѣннѣе самое имѣніе, если оно чисто и незапятнано, и если оно свободно отъ всякой заразы діавола?..»

(Окончаніе будетъ).

В. Пшоникій.

